

БОЕВИК ОТ АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

АХМАНОВ

МИХАИЛ

НАСЛЕДНИК

Михаил Ахманов
Наследник
Серия «Наемник Алексей Каргин», книга 2

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176673
Наследник: АСТ, Астрель-СПб; СПб; 2008
ISBN 978-5-17-053330-5, 978-5-9725-1232-4

Аннотация

Каково владеть богатейшей международной корпорацией, производящей все виды вооружения? Обладать неограниченной властью и могуществом? Иметь возможность исполнить любое свое желание?

Многие были бы счастливы, получив такое наследство, но Алексей Каргин, бывший офицер спецназа, бывший наемник Французского иностранного легиона, волею судеб ставший наследником главы оружейной корпорации, не из числа «многих». Однако оружейный бизнес – не то наследство, от которого можно отказаться. Тем более что в этом наследстве заинтересована Россия, а судьба родины Алексею небезразлична.

И тогда Каргин пускается в очередную авантюру, чтобы раскрыть новую тайну и при этом остаться в живых...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Ахманов

Наследник

*Когда вода всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На берег тихо выбралась любовь.*
Владимир Высоцкий

Глава 1

*Краснодар, апрель 1998 г.,
поздний вечер.*

В Москве еще таяли апрельские снега и медленно, с ленцой, высыхали лужи, а здесь, в Краснодаре, деревья уже окутывал флер сочной весенней листвы, воздух был ароматным и свежим, и по ночам сияли в безоблачных небесах огромные яркие звезды. Ласковый город Краснодар, теплый, щедрый, почти родина, хоть и родился не здесь... Ну и что с того? Родина – земля, где живут отец и мать, где жили, сражались и умирали поколения предков, и где – если повезет! – сам упокоишься со временем. Лет, скажем, через пятьдесят.

Каргин усмехнулся и задернул штору на окне в отцовском кабинетике. Чертог этот был небогатым и тесным: слева – письменный стол и кресло, справа – тахта под афганским ковром и полки с книгами. Еще – фотографии в рамках: свадебная, без малого сорокалетней давности, а за ней другие, с различных мест службы, отличавшиеся, главным образом, задним планом и количеством звездочек на отцовских погонах. Горы, степи, пустыни, тайга... Майор Каргин, подполковник Каргин, полковник, генерал... От снимка к снимку лицо отца старело, западали щеки, ссыхались губы, морщины бороздили кожу, но выражение не менялось: сосредоточенное, грозное, как у готового к битве орла. На последней фотографии он был в штатском, но пиджак сидел на нем точно генеральский мундир – ни складок, ни заломов.

– Не одежда человека красит, а человек – одежду, – пробормотал Каргин, сел в кресло и перевел взгляд на тахту.

Там, под красно-черным афганским ковром с висевшей посередине родовой казацкой шашкой, спала миссис Алекс Керк, в девичестве – Кэтрин Барбара Финли. Ласточка... Густые ресницы как тени на смуглых щеках, розовые губы приоткрыты, каштановые волосы рассыпались по подушке, одеяло сползло с точеных плеч... Посмотришь, и не скажешь, что взял супругу в Калифорнии – скорее, в местной станице нашлась, там, где все девчонки смуглы и гибки, белозубы и кареглазы. Отец это тоже заметил. Доволен! А уж мать...

Щемящая нежность вдруг затопила сердце Каргина; он зажмурился, стиснул руки и медленно, глубоко вздохнул. В свои тридцать четыре года он начинал приобщаться к простой истине, к тому, что познали тысячи, миллионы мужчин до него: есть девушки, с которыми гуляешь и флиртуешь, целуешься в темном подъезде, даришь обещания – и есть жена. Большая разница, черт побери! Такая же, как между столовым ножиком и шашкой, что переходит в семье от деда к отцу и от отца к сыну...

Он собирался порассуждать на эти темы, но тут чуть слышно скрипнула дверь, и неяркий свет, просочившийся из прихожей, обрисовал фигуру матери. Она поманила Каргина рукой. Поднявшись, он вышел.

– Пусть девочка поспит... Утомилась после перелета... Нынче в Ставрополь съездить или в Ростов – мучение, а уж из Москвы добраться... – шептала мать, подталкивая Каргина мимо кабинета, спальни и столовой к кухне.

Кухонька в родительской квартире была маленькой и казалась еще меньше из-за отца – Каргин-старший отличался завидным ростом и шириною плеч. Сидел он на своем привычном месте, на табурете в углу перед столом, где плескалось вино в хрустальном графине и трех хрустальных же стаканчиках. Вино было не покупным – отец сам ставил по осени из мускатного винограда.

– Садись, Алешенька, сынок, – голос матери звучал певуче и слышались в нем счастливые слезы. – Садись, родной мой... Раз Катюшка уснула, так пусть поспит, а мы выпьем... выпьем за вас, чтоб жили долго и счастливо, в любви и согласии... и чтобы нас не забывали и внуками скорей порадовали...

Отец хмыкнул и подвинул Каргину стакан.

– Какие внуки, мать? Они четыре месяца как женаты!

– Ничего ты не понимаешь, генерал! Четыре месяца женаты, а знакомы скоро год! В наше время у молодых все быстро, все стремительно, за год могут тройню родить – это я тебе как врач говорю. Ну, не родить, так находиться в приятном ожидании...

Мать с надеждой поглядела на Каргина, но тот, улыбнувшись, покачал головой и чмокнул ее в щеку.

– Нет, мама, еще нет. Но мы не прекращаем усилий!

Отец расхохотался, мать зашикала на него, оглядываясь на дверь, потом тонко прозвенели хрустальные стаканчики. Вино было густым и сладким, как воспоминания детства.

– Торопливая у нас матушка, – отец насмешливо прищурился. – Это, думаю, от ирландской крови... Импульсивный народ эти ирландцы, горячий, особенно женщины. А я-то всю жизнь удивлялся, откуда в ней такая страсть! По паспорту ведь москвичка, а они холодные, как рыбы, и мужики не лучше. Знала бабка Тоня, кого выбирать!

Антонина, покойная бабка Каргина по матери, в войну трудилась в Москве переводчицей в американском посольстве и повстречала там Патрика Халлорана, американца ирландского происхождения. Был Халлоран тогда красив, обаятелен, молод и, вероятно, ничем не походил на ту персону, которой сделался со временем, на старого волка-миллиардера, владыку оружейной империи, безжалостного, как оголодавшая акула. Той встрече мать Каргина, а значит, и сам Каргин, были обязаны явлением на божий свет, но оба они с этой идеей как-то еще не сжились. Как и с тем, что самый близкий их родич, отец и дед, не рядовая личность, а человек могущественный, один из тайных правителей мира, и они – его бесспорные наследники. Наследником, собственно, был Каргин, но сути это не меняло.

При упоминании о бабке Тоне мать зарделась. Отец обнял ее, поцеловал светлую прядь, что падала на ухо, буркнул: «Миллионерша ты моя ирландская!» – и, плеснув вина в стаканчики, произнес:

– Ну, давайте за Патрика выпьем. Как-никак, а твой батька и Алексею – дед. Опять же невестку нам подыскал, красавицу и умницу... Может, Алексей без него еще бы лет десять не женился... Так что в нынешней диспозиции мы ему обязаны. И даже очень!

Они чокнулись и выпили. Потом мать робко спросила:

– Какой он, Алешенька? Старый, наверное, одинокий? Больной? Живет-то он как?

Прошлым летом Халлорану стукнуло семьдесят пять, но больным и старым он отнюдь не выглядел. Совсем наоборот: клыки стальные, хватка железная... Жил он на острове Иннисфри, откупленном у перуанского правительства на целый век и превращенном в крепость, и сутились при нем две с половиной сотни охранников да помощников, слуг да прислужников. Хорошо жил, как подобает миллиардеру: роскошная вилла, чудный парк, яхта, райский климат и блиндажи с ракетами и пулеметами – для безопасности и спокойствия. Об

этом, как и о своей службе в качестве телохранителя, Каргин родителям уже рассказывал. Правда, по телефону.

Телефон телефоном, а живой рассказ доходчивей. Он повторил все снова, а мать слушала, кивала и вытирала слезинки. Все-таки отец, родная кровинка, хоть и ирландская...

Говорил Каргин о том, как, после службы в Иностранном Легионе, завербовался в «Халлоран Арминг Корпорейшн», как прилетел в Калифорнию, в Халлоран-таун под Сан-Франциско, где находилась штаб-квартира ХАК, как повстречался с Кэти и как расстался с ней, отправившись служить на Иннисфри, еще не зная, зачем его, российского офицера и бывшего спецназовца, нашли в Москве и предложили выгодный контракт. Рассказывал про остров и старого Халлорана (назвать его дедом язык не поворачивался), про вечно голубые небеса и бирюзовый океан, про сейбы, пальмы и мангровые заросли в древнем вулканическом кратере, про поселок у бухты и дворец на горном склоне, в котором, с полусотней прислуги, обитал старик. И о том, как захватили остров бандиты, нанятые врагами Халлорана, тоже рассказал: как перебили людей, сожгли поселок, и как он сам, с группой спасшихся по счастливой случайности, скрывался в кратере и бился с налетчиками до последнего. Не слишком, надо признаться, удачно: нашли бандиты Боба Паркера, племянника Халлорана, и пристрелили, а заодно и прочих, Тейта, Слейтера, Араду и Томо Тэрумото, так что живыми остались сам Каргин и Нэнси Паркер, что Бобу приходится сестрой, а матери – кузиной. Хорошая девушка, рыжая, красивая, только много пьет...

В этом месте мать прослезилась, горюя о заокеанской родне, и Каргин, чтобы ее утешить, поведал, что старый Халлоран бандитам не достался – отсиделся в секретном убежище с верным слугой Альфом Спайдером и нынче жив-здоров. Новый остров приобрел, в Тихом океане, а где в точности, никто не знает, кроме самых доверенных лиц. Приятный остров, ничем не хуже Иннисфри, и укреплен как цитадель американского президента.

Во всех этих историях, весьма занимательных и соответствующих официальной версии событий, правды было ровно половина. Об остальном приходилось молчать – о том, что бандитов (а точнее – профессиональных убийц-коммандос) наняли по приказу Халлорана, и что старик заказал им всех своих родичей, и Бобби Паркера, и Нэнси, и даже Хью Араду, который, надо думать, приходился сыном старику. Заказал и уничтожил, чтобы избавиться от лишних претендентов, от тех, кто недостоин возглавить ХАК, и заодно проверить нового наследника, Алекса Керка, внука давно почившей бабки Тони. На что годится этот Керк, с крепкой ли хваткой парень и не боится ли кровушку пустить при случае... Расскажешь об этом матери – ужаснется, расскажешь отцу – плюнет, разотрет и молвит со всей солдатской прямоотой: нужен нам этакий родич как прохудившаяся портянка.

И потому Каргин молчал об этих деликатных обстоятельствах. И о том молчал, как пренебрег наследством и, похитив вертолет, направился туда, куда горячего хватило – в Сан-Кристобаль, на Галапагосские острова, где поджидала его Кэти. А из Сан-Кристобаля, вместе с ласточкой – в Эквадор, потом в Колумбию, в портовый город Картахена, откуда можно было уплыть с контрабандистами на Кубу. Но смыться им не удалось – нашел их в Картахене Мэлори, шеф безопасности ХАК и халлоранов ближайший сподвижник. Торговались долго и свирепо, пока не пришла Каргину счастливая мысль, как наследством распорядиться, чтобы и старик был доволен, и польза имела. Говоря иначе, чтобы волк был сыт, а овцы, хоть пострижены, но целы – ну, хотя бы относительно.

– Ты там бывал, на этом новом острове? – с беспокойством поинтересовалась мать. – Все ли там у деда ладно, удобно ли ему? Как его устроили на новом месте и что там с ним за люди? Человек он старый, ему особый уход нужен...

– Врачи у него есть, самые лучшие, – пояснил Каргин. – Он вообще на здоровье пока не жалуется, километр пробежит не запыхавшись. Крепкий старик, такой и в девяносто будет как огурчик. А остров... говорили, красивый остров, живописный, с лагуной, пальмами и

скалами, но сам там не бывал. Хотя связь имеется, через штаб-квартиру фирмы в Калифорнии.

– По телефону?

– Ну что ты, мама... Для этого у меня специальный чемоданчик с кодами и шифрами.

– Как у президента, – с усмешкой добавил отец.

– А я, батя, и есть президент, – уточнил Каргин.

Они помолчали, потом мать осторожно спросила:

– К себе он не приглашал? На этот самый остров?

Отец хмыкнул, и мать метнула на него суровый взгляд.

– Молчи, генерал! Я не набиваюсь в гости, я о том думаю, что он одинокий и старый, и ближе родичей у него нет! Неужели помрет, родную дочь не повидав?

– Не помрет, – утешил ее Каргин. – Я же сказал: такие живут как минимум до девяноста, так что в ближайшие пятнадцать лет получишь приглашение. А пока просил фотографии, твои и отцовы, числом побольше, размером покрупнее. Такие фото, чтобы ты гляделась красавицей, а отец был в мундире, со всеми орденами и при шашке. Желательно, на коне.

– А БМП¹ не подойдет? – снова усмехнувшись, спросил отец.

Мать всполошилась.

– Фотографии! Откуда у меня фотографии? Тридцать лет по всему Союзу мотались и мыкались, по всем медвежьим углам, все растеряли, а что есть, у отца в кабинете висит! Хотя что-то осталось в старых альбомах... надо поискать и посмотреть...

– Вот иди и посмотри, – распорядился отец. – Иди, а я с сыном побеседую. О судьбоносных моментах жизни и надлежащих в этом случае маневрах, о том, о сем... Поговорим, как генерал с президентом.

Мать, озабоченно поджав губы, вышла. Отец разлил вино.

– За честь нашего казацкого рода, Алексей! И за любовь! Деньги, ордена, чины, звезды на погонах – все тлен, все проходит со временем, ты уж мне поверь, сынок... А что остается? Честь и любовь!

Они выпили. На этот раз Каргину показалось, что вино слегка горчит.

Повернув голову, он уставился в окно. Квартира родителей была в новом доме, на седьмом этаже, и разросшиеся внизу ивы не заслоняли неба. А небо тут казалось великолепным: вроде такие же звезды, те же созвездия, та же луна, что в Калифорнии, однако светят ярче и теплее. Как говорил майор Толпыго, наставник Каргина в «Стреле», на родине вороний грай мнится соловьиным пением... Потом, однако, добавлял: не обольщайся, стрелок, и глазки береги – ворон всюду ворон.

Отец пошевелился и вдруг спросил:

– Какой, говоришь, оборот у этой ХАК? У дедовой компании?

– Шесть миллиардов долларов в год, – ответил Каргин. – Одна из самых крупных в мире оружейных фирм. Все у нее под контролем, от гробов и консервов до мин и взрывчатки, от пушек до космических систем. Шесть миллиардов... Это по открытому балансу, а что касается закрытого... – Он почесал в затылке. – С черными доходами я еще не разобрался. Если с ними считать, будет раза в полтора побольше. Или в два... А может, в три.

Окинув взглядом скромную обстановку кухни, отец покачал головой и пробормотал:

– Ну и ну... бюджет приличной армии... Не было ни гроша, да вдруг алтын!

– Доллар, – уточнил Каргин. – Целая куча долларов, и все до последней бумажки кровью и порохом пропахли. Еще фунты есть, франки, лиры, марки, иены... Акции, конечно, до черта акций! Понимаешь, эта «Халлоран Арминг Корпорейшн» ничего не производит, но

¹ БМП – боевая машина пехоты.

все контролирует. Холдинговая компания, владелец акций «Боинга», «Хаук Инжиниринг», «Кольтс Индастриз», «СТРОНа»² и прочих оружейных фирм.

– И все теперь твое?

– Большой частью, – со вздохом признался Каргин. – Я – официальный наследник и президент корпорации. Одних налогов столько плачу, что всем врачам и учителям, какие есть в России, хватит сотню лет кормиться.

Отец приподнял седую бровь.

– И что будешь делать, Алешка? Богатых в нашем роду не водилось, особенно охочих до неправедных богатств.

– Верно, неправедных и, вдобавок, чужих, – со вздохом согласился Каргин. – Ну уж, какие есть! Побрезгуешь, бросишь, так другие подберут, и дело обернется еще хуже. – Он коснулся шрама под глазом, насунился и с задумчивым видом промолвил: – Я, отец, вижу в этой истории только два выхода: или все-таки бросить, или сделать так, чтобы польза была. Хоть какая-то польза, клянусь Одним!

– Польза? Кому польза? – строго спросил отец.

Каргин смущенно улыбнулся – красивых слов он не любил. Ответить, однако, пришлось.

– Отчизне. Может быть, еще кому-то, но первым делом – отчизне.

Отец хмыкнул.

– В Соросы метишь, сынок? Хочешь фонд благотворительный открыть, гранты раздавать нищим врачам с учителями? Только надо ли? Может, хватит с нас одного спонсора-благодетеля?

Каргин замотал головой.

– Никаких грантов и никаких подачек! Я другое придумал: откупить лицензии на российское оружие, на те системы, что производят нелегально за границей. Это вроде бы долги – долги различных стран России, которые она не в состоянии взыскать, а запретить производство тоже не может. Нет для этого ни сил, ни средств! Ну, а ХАК – другое дело... Если ХАК станет полномочным представителем по спорным проблемам, споры быстро разрешатся. С ХАК не потягаешься, те еще волки!

Стараясь справиться с волнением, он начал излагать отцу свой план. Речь шла о лицензиях, дарованных бывшим союзникам в Европе, Африке и Азии, срок которых давно истек, а также о чистом пиратстве, о выпуске российских разработок без всяких лицензий, по образцам, разобранным до винтика, либо по краденой или нелегально купленной документации. Со всевозможными системами оружия, что расползлись из России как тараканы с раскаленной печки, творился в мире беспредел: Болгария с Чехией выпускали пистолеты (правда, устаревших образцов), десяток стран, от Кореи до Бразилии – автоматы Калашникова, где-то трудились над боевыми вертолетами и самолетами по чертежам из российских КБ, Китай приступил к производству ракет «Сатана»,³ а временами ситуация доходила до смешного – так, Пакистан клепал танки Т-85 по китайской лицензии. «Росвооружение» и прочие оружейные фирмы России, как частные, так и государственные, справиться с этим не могли, и дело шло к тому, что конкуренты-пираты вытеснят их с рынка по самым доходным позициям. Не исключалось, что, ощутив слабину и пользуясь продажностью чиновников, похитят что-нибудь по-настоящему серьезное, смертельный вирус или боевое ОВ⁴ из нищих государственных лабораторий. Деньги в этом черном бизнесе крутились ошеломительные, и пре-

² Все перечисленные компании реально существуют. Например, фирма «СТРОН» («S-TRON») разрабатывает новые средства связи, вооружения и защиты пехотинцев.

³ «Сатана» – принятое на Западе наименование ракеты СС-20.

⁴ ОВ – отравляющее вещество.

сечь такую разновидность пиратства было куда опаснее и тяжелей, чем, к примеру, производство краденых видеофильмов.

По мысли Каргина ХАК могла бы в этом посодействовать – в рамках соглашения, передающего ей эксклюзивное право на выпуск военной российской техники за рубежом. Не всей, разумеется, а той, где возникали спорные моменты и где необходимо придавить пиратов. Давить и душить в «Халлоран Арминг Корпорейшн» умели преотлично, по юридической или финансовой линии, а если нужно, то и другими убедительными средствами. Польза была обоюдной: во-первых, пираты являлись такими же конкурентами для ХАК, как и для российских оружейников, а, во-вторых, ряд боевых систем, не самых новых, но подходящих для Индии и Африки, можно было выпустить совместно.

Данный проект и стал предметом обсуждения в Картагене – собственно, это было условие, на котором Каргин соглашался принять наследство вместе с президенством. Сомнений у Мэлори хватало и спорил он яростно – с русскими связываться не хотел (мол, ненадежные партнеры!), и операция (скажем, по усмирению Китая) казалась ему не очень реальной и уж во всяком случае не вдохновляющей. Но старый Халлоран, с которым консультировались оба спорщика, все же дал добро. Что-то он разглядел в идее Каргина, что-то такое унюхал, то ли запах несомненной выгоды, то ли шанс еще раз испытать наследника. Возможно, второе было важнее первого – родственная связь для старика значила не больше, чем прошлогодний снег, зато он желал передать корпорацию в твердые сильные руки.

Так ли, иначе, но с главным хозяином и с Мэлори договорились; теперь оставалось убедить важных чиновников в Москве и подписать контракт с «Росвооружением». На это Каргин и целый штат его помощников потратили семь месяцев, за исключением недели свадебных торжеств и посещения Парижа и Венеции. Неделя – скромный дар для новобрачной, но миссис Алекс Керк не возражала и сцен не устраивала, ибо была стопроцентной американкой. Всякая американская жена твердо знает, что у супруга на первом месте бизнес, а любовь и развлечения в лучшем случае на втором или на третьем. Точно как в песне поется: первым делом – самолеты, ну а девушки, а девушки – потом.

Теперь контракт был в полном смысле «на мази» (то есть всех, кого надо, в Москве подмазали), и Каргин урвал несколько дней, чтобы слетать к родителям и познакомиться с ними Кэти. Важное дело, серьезное, но не единственное; хотелось ему поговорить с отцом и выяснить, как тот относится к его проекту. Отец, боевой генерал, владел немалым опытом и отличался здравомыслием, но, главное, был человеком чести. Редкий дар для властимущих, кем бы они ни являлись, политиками, генералами или воротилами промышленности и финансов.

Слушая Каргина, отец задумчиво хмурил брови, потом вскочил и принялся, прихрамывая, кружить по маленькой кухне. Хромал заметно – в восемьдесят четвертом, когда он командовал в Афгане бригадой ВДВ, ему оторвало три пальца на ноге во время штурма Панджшерского ущелья.

Наконец, остановившись, он кивнул головой и вынес приговор:

– Добро! Неплохая мысль! Только команда тебе нужна надежная, из наших людей. Флаг, Алеша, пусть будет с полосками и звездами, а люди – наши. Крепкая команда!

– Команда есть, – сказал Каргин, и больше в этот вечер они о делах не говорили.

Мать, как тихая тень, проскользнула в кухню. Вид у нее был озабоченный – то ли о фотографиях размышляла, то ли высчитывала, не пора ли в скором времени появиться внуку.

– Нашла я несколько снимков, Алешенька... нашла, в пакет сложила, отправишь деду... Вы у нас с Катенькой надолго?

– Дня на три.

Мать всплеснула руками.

– Дня на три! Ты слышишь, генерал? Год не виделись, в Америке побывал, чуть не погиб, женился – и на три дня приехал! Ты что молчишь, отец? Ты почему его не вразумляешь? Ты...

– Дела у Алексея. Важные!

– Какие еще дела?

– Топ сикрет, – отрезал отец. – А мы, милая, должны безропотно нести свой крест. Думаешь, легко быть родителями миллиардера? – Он помолчал, ухмыльнулся и метнул последнюю стрелу: – Кстати, миллиардер он по твоей линии, не по моей.

Каргин покивал головой.

– Что поделаешь, мама, ехать мне надо в Москву, контракт подписывать. Потом – за рубеж, на переговоры... наверное, к чехам, в Прагу. Кэти Прагу не видела, хочу показать.

– Вот когда соберешься в Прагу, тогда и Катеньку заберешь, – решительно заявила мать. – А пока пусть у нас останется, здесь, хоть на недельку-другую. Научу ее пироги печь, беляши и рулет с картошкой... Еще разговаривать будем, быстрее по-нашему научится.

– Все главные слова она уже знает, – сказал Каргин, вставая. – Не пора ли на покой, родители?

Кивнув, мать исчезла в спальне. Отец, вслед за Каргиным, вышел в коридор – стоял, опираясь на здоровую ногу, у открытой двери ванной и глядел, как сын, сбросив рубаху, плещет воду на лицо и плечи. Вроде как любовался: ладный вышел парень, крепкий и собой не дурен! Потом вдруг промолвил:

– А ты ведь, Алешка, к ирландскому деду любовью не горишь. Или я не прав?

– Прав, батя, – ответил Каргин, вытираясь пушистым махровым полотенцем. – Не горю. Даже не тлею.

* * *

Интермедия. Ксения

Город был очень красив. Лежал он в предгорьях Копетдага, почти у самой границы, а за ней, уже в Персии, находился город-близнец с поэтичным названием Ширван. Название что-то напоминало Ксении – может, эпос «Шах-намэ» или персидские сказки о джиннах, пери и непобедимых богатырях-пахлаванах, которыми она зачитывалась в детстве. Книгу – толстую, с цветными иллюстрациями – купила мама, вырвала пять рублей из скудной своей зарплаты в детском садике, и в этой книжке, наверное, упоминался Ширван. Одну из картинок, во всяком случае, Ксения не забыла: дворец с зубчатыми стенами в окружении пальм, а чуть подальше – мечеть с минаретами в узорчатых изразцах, верблюжий караван и черноусые всадники.

Здесь тоже были дворцы, мечети и верблюды. Еще – степь и горы, виноградники и сады, яблоневые, грушевые, сливовые. Еще – шоссе, тянувшееся к морю, и все приметы цивилизации: отели, кабаки, автозаправки, богатые шопы и бутики, банки, аэропорт, три вокзала, а сверх того – восточные базары, каких не только в Смоленске, но и в Москве не увидишь. Красивый город, богатый, фруктовый, теплый... Плохо одно – черноусых много. Черноусых Ксения ненавидела. Впрочем, бородастых и бритых тоже.

Керим, к примеру, брился и усов не носил, но все равно был поганцем. Гадиной, змеюкой подколодной! А в первый раз когда увидела, подумала: красивый... Джигит, как здесь говорят. Высокий, стройный, волосы – как черный шелк, кожа гладкая, нос с горбинкой, глаза сверкают... Может, и красивый, а все равно поганец и сволочь! Три дела на уме: деньги, выпивка и бабы! Деньги и выпивка – чтобы заморские, а баб предпочитает посветлей и постройней, и чтобы угождали, ни в чем не отказывали... А после работы как угодишь?

Бывает, ноги дрожат и синяки по телу, а он недоволен – мало принесла и легла не так... Гад! Проткнуть бы ножом, да только после куда денешься? Ни паспорта, ни денег...

Ритка, что из Брянска, говорила: убегу! Видит бог, убегу! Наши на границе стоят, ублюдков этих охраняют, близко совсем, сорок километров, а там – русские солдатики, Коли, Пети да Ванюши... Так это по прямой – сорок, а по горам, камням и ущельям – целых сто! Ну, убежала, в чем стояла – в платье шелковом, чулках да туфельках на шпильке... потом труп из арыка выловили...

Жалко Ритку, а себя и того жальче! И страшно... Мамочка милая, как страшно и погано! Зачем из Смоленска уехала? Ну зачем?..

Солдат всегда здоров,
Солдат на все готов,
И пыль, как из ковров,
Мы выбиваем из дорог.

Владимир Высоцкий

Глава 2

Москва, конец апреля

Команда, о которой Каргин говорил отцу, в самом деле у него имелась. Крепкая надежная команда, готовая на все и численностью, говоря армейским языком, без малого до батальона. В девяносто четвертом, зимой, перед тем, как отправиться в жаркую Африку, в роту «гепардов», встречался Каргин в Москве со своим приятелем и сослуживцем Владом Перфильевым. Перфильев, капитан в отставке, уволившись из «Стрелы», не пошел телохранителем к банкиру или вышибалой в казино, даже в милицию или в ОМОН не пошел, а обзавелся собственным бизнесом, открыв ЧОП «Варяг»⁵. Не только бизнесом обзавелся и клиентуру привлек, но и людей достойных перетянул к себе, «стрелков»-спецназовцев, болтавшихся без денег и без дела после расформирования «Стрелы». Первым, конечно, Прошку, Костю Прохорова, друга своего, потом молодых лейтенантов Черного с Мазиным, Кириллова и Эльбекяна, а за офицерами потянулись прапорщики и старшины, пара десятков или даже побольше. Тогда, четыре года назад, Перфильев и Каргина к себе сватал, да не состоялось сватовство – контракт с Легионом был уже подписан.

Этой зимой они снова встретились. Каргин приехал в Москву с целым штатом юристов и экспертов ХАК, а что до Перфильева, так он никуда не уезжал из первопрестольной, разве лишь на отдых в Испанию, Турцию либо Грецию. Мог себе и подороже места позволить – бизнес его процветал, – но Настя, супруга Влада, воспитанная в строгих понятиях офицерской жены, имела собственное мнение о том, где хорошо и дешево. Перфильев определил ее к себе главбухом, точно зная, что у его Настехи рубль между пальцев не проскочит.

Теперь под рукой у Влада ходили почти пятьсот бойцов, имел он знакомых в крупных фирмах, в мэрии, в органах, в Думе и администрации президента и оказывал обществу самые разнообразные услуги. Были среди них серьезные – скажем, розыск похищенных, переговоры о выкупе и внесение платежных средств, желательнo дубинкой и свинцом, а не валютой и не золотом – но так, чтобы с клиента волос не упал. Была рядовая тягомотина, охрана модных кабаков и бутиков, а также офисов и всяких личностей, что заседают в этих офисах, либо персон поважней и покруче, в депутатском статусе. Были совсем смешные поручения, эскортные – на тот предмет, если клиенту нужно пыль в глаза пустить и заявиться в ресторан или, положим, на премьеру МХАТа в компании парней не ниже метра девяноста. Для этого Влад держал особую команду из бывших хоккеистов и баскетболистов и за «услуги престижа» драл по двойному тарифу. В политику Перфильев не мешался, а с «братками» из тамбовских, казанских, солнцевских и прочих мафиозных кланов находился в сложных отношениях: не мир, не перемирие и не война, а как на афганской границе – кто на жареном попался, тот и виноват, а не попался, так и ладно. Впрочем, связываться с «варягами» побаивались – Мазин и Черный, возглавлявшие ССБ,⁶ были парнями тертыми и крутыми.

Кроме надежного контингента и многочисленных полезных связей имелись у Перфильева главная контора в Столешниковом переулке за ювелирным магазином, шесть отделений в районах столицы, загородная база для тренировки сотрудников и отдыха их семей, приличный автопарк и даже арсенал с оформленными в законном порядке пистолетами, дубинками и газовым оружием. Ну, а что оформлено не было, хранилось в обширном подвале под главной конторой, и этот склад чудесным образом отсутствовал на самых подроб-

⁵ ЧОП – частное охранное предприятие.

⁶ ССБ – служба собственной безопасности, особое подразделение, которое имеется в ФСБ, органах милиции и тому подобных структурах; выполняет функцию защиты организации.

ных планах жилищного ведомства – или, возможно, числился в них затопленным, сгоревшим и заваленным еще во времена ашхабадского землетрясения. Словом, Перфильев владел готовой структурой, обширной и весьма разветвленной, использовать которую было столь же полезно, сколь и выгодно. Это с одной стороны, а с другой при первой же встрече с ним выяснилось, что Влад отчаянно скучает.

К спокойной жизни он был не приспособлен, как и сам Каргин, как и любой спецназовец высшей квалификации. Конечно, охранять кафешки и лавки с дамским бельем работа непыльная и выгодная, а еще прибыльней заботиться об олигархах и депутатском корпусе, но выгода и прибыль заманчивы, когда их нет – а, появившись однажды, воспринимаются как нечто естественное и вполне обыденное. Ну, и что потом? Тут, в зависимости от темперамента и жизненного опыта, есть всякие варианты: один видит поэзию в приобретении богатств и расширении бизнеса, другой блаженствует в сытой нирване и тискает девочек в саунах, а третий впадает в столбняк и тоску. Стеречь шалманы, офисы и разжиревших депутатов? Не слишком почетное занятие для тех, кто воевал в Ираке и Вьетнаме, Эфиопии и Боснии, Афгане и Никарагуа. Москва, конечно, город большой, и много в ней темных делишек и дел, но мира она не заменит – ни гор, ни джунглей, ни тайги, ни прочих мест, где можно послужить отечеству со славой. А послужить Перфильеву хотелось – да и не ему одному.

На этом они и сошлись, команда Перфильева с Каргиным. Все они являлись клюквой с одного болота, не африканского и не американского, а сугубо российского, и потому договорились быстро. В сущности ЧОП «Варяг» и «Халлоран Арминг Корпорейшн» были для них интересны не как источники доходов и прибылей, а лишь как средство для достижения определенной цели, которая у многих россиян, в отличие от обитателей Запада и Востока, не связана с богатством, почестями, властью или спокойным размеренным бытием в системе нерушимого миропорядка. Это, скорее, иррациональная тяга к справедливости, мечта явить свою удаль и самоутвердиться через достойное важное дело, та неистребимая российская ментальность, которая творила на протяжении веков империю – и рушила ее в бунтах, мятежах и революциях.

Ментальность ментальностью, но о практических вопросах тоже забывать не стоило, и в январе союз между «Варягом» и Большим Заокеанским Братом был юридически оформлен. ЧОП превратилось в совместное предприятие, охранную структуру российского филиала «Халлоран Арминг Корпорейшн», вывеску в Столешниковом сменили, фасад отремонтировали и по этому случаю устроили кутеж – такой, что три юриста и пять экспертов, приехавших с Каргиным, неделю мучились мигренью. Однако Генри Флинт, шестой эксперт, пивший на равных с Перфильевым, Мазиным и Черным, головными болями не маялся, ибо до трудоустройства в ХАК служил в морской пехоте. Возможно по этой причине или в силу могучей негритянской конституции к спиртному он оказался вынослив – что, безусловно, роднило его со славянами. Этот Флинт, сотрудник административного отдела,⁷ был приставлен к Каргину в качестве офицера связи и советника по экстремальным ситуациям и, очевидно, являлся глазом и ухом Шона Мэлори.

Зиму и начало весны Каргин провел, курсируя между Москвой и Сан-Франциско, совещаясь с руководством ХАК и торпедируя кабинеты московских чиновников, предпринимателей и генералов. В последнем помощь Перфильева была неоценимой – он точно знал, каким количеством взрывчатки с изображениями американских президентов нужно начинить торпеду и под какую дверь подкладывать. Сложность проблемы заключалась в том, что политическое сближение России с Западом и теплая дружба ее президента с заокеанским коллегой вовсе не означали каких-то серьезных подвижек в финансовой, промышлен-

⁷ Административный отдел «Халлоран Арминг Корпорейшн», возглавляемый вице-президентом коммодором Шоном Дугласом Мэлори, является фактически службой безопасности ХАК.

ной или военной сферах. Контакты в области финансов сводились к просьбам о кредитах, в части производства – к созданию фирм по упаковке ножек Буша в русский полиэтилен, а что касается военных дел, то ястребы с той и другой стороны хоть клювов уже не разевали, но когти точили по-прежнему. В такой туманной ситуации идея о сотрудничестве военно-промышленного комплекса с американской оружейной фирмой казалась дичью, нонсенсом или тонко задуманной диверсией ЦРУ, призванной угробить остатки российской оборонной мощи. Мощь, однако, иссякала сама собой, комплекс разваливался с пугающей скоростью, пираты-конкуренты теснили на всех традиционных рынках, от Египта до Монголии, а торпеды с зеленым содержимым взрывались регулярно и в нужных кабинетах, так что проблема со скрежетом и скрипом все-таки сдвинулась с места и миновала за месяц Госкомиссию по военно-техническому сотрудничеству. Затем контракт между «Росвооружением» и ХАК, ввиду его особой важности, обсудили и завизировали в «Росавиакосмосе» и концерне средств ПВО, после чего он прошел парламентскую экспертизу и был одобрен всеми фракциями кроме яблочников и коммунистов. Яблочники, как обычно, воздержались, а левые, по идейным соображениям, были против контактов с акулами капитализма. Но так ли, иначе, «добро» обеих ветвей власти было получено, и договор подписан с российской стороны – двумя министрами и руководством «Росвооружения».

Случилось это в середине апреля, когда Каргин, оставив Кэти у родителей, вернулся в Москву. К этому времени Марвин Бридж, его юридический советник, закончил все последние формальности: размножил документ, заверил копии печатями, а оригинал отправил в Калифорнию, в сейфы штаб-квартиры корпорации. Договор был краток – две страницы текста, тщательно отработанного юристами ХАК и «Росвооружения», но к нему прилагался обширный список военной техники и боевых систем, которыми «Халлоран Арминг Корпорейшн» надлежало заняться в первую очередь. И под номером один в этом списке значилось: изделие «Кос-4», разработка КБ-35, Челябинск, производственная база – оборонный завод имени «XXII партсъезда», Ата-Армут, Туран.

* * *

– К арабам Саркиса Эльбекияна пошлем, – хрипло произнес Перфильев. – Бывал он у арабов, хоть не в Сахаре, а в Ираке, так что язык и обычаи знает. Опять же внешность подходящая: смуглый, нос с горбинкой, волос черный и глаз огненный. Чалму напялит, от правоговерного не отличишь.

– Думаешь, внешность к доверию располагает? – усомнился Каргин.

– Еще бы! Свой человек, восточный! – проклекотал Перфильев. Горло было у него задето в девяносто втором, в период боснийской операции, и временами он хрипел и свистел как древний паровоз, изнемогающий под непосильной тяжестью состава. Но в остальном на здоровье не жаловался.

– Нужно делегацию посылать, – сказал Каргин. – Во всех случаях необходима делегация: два-три полномочных лица от ХАК, секретари, юристы, переводчики... ну, представитель от «Росвооружения», если пожелают. И чтобы все солидно, Влад: номера в лучших отелях, рота секьюрити и черный кадиллак к подъезду. Чтобы понимали, кто к ним пожаловал и зачем!

Перфильев стиснул и разжал кулаки. Был он невысок, но крепок; кисти большие, мощные, под стать могучим плечам и торсу. По его широкой скуластой физиономии бродила хитроватая усмешка.

– Кто и зачем! – повторил он. – Главное, зачем! Это их, Леха, не обрадует! Мины нынче в цене, и сеют их как редиску, от Тихого океана до Атлантики.

– Поля дьявола... – пробормотал Каргин, относившийся к минам с большой неприязнью – дружок его Юра Мельниченко подорвался на mine в Карабахе. – Делать дешевые мины по краденой технологии – безнравственно, – заявил он. – Аллах такого не простит! Мина должна быть дорогой, вдвое дороже, чем операция по разминированию.

– Вот Эльбекян пусть им и объясняет. А с ним пошлем парочку экспертов и этого юриста, белобрысого... как его, хрр?.. Венька Тукер?..

– Винс Такер, – поправил Каргин. – Заметано, пошлем Саркиса с Винсом! Продукцию объявим контрафактной... мм... ну, с сентября этого года. Они ведь через Сахару Центральную Африку снабжают, так? Дороги можно перекрыть силами Иностранного Легиона... недешево обойдется, но мой карман не лопнет.

– Это хорошо, что у тебя такой карман. Давай-ка, Лешка, по этому поводу...

Влад поднялся, подошел к шкафчику, извлек широкие стаканы и бутылку армянского коньяка, налил себе на три пальца, Каргину – на один. Знал, что тот крепкое не жалуется.

Коньяк, однако, был хорош. Наслаждаясь его ароматом, Каргин посматривал в окно и вспоминал, как появился под вечер точно с таким же напитком к Кэти, в первый же день знакомства, в Халлоран-тауне. Соблазнял по-всякому, Киплинга ей читал, про Париж рассказывал... кажется, шампанское тоже было... Ну как девушке-ласточке устоять?.. Не устояла, к счастью...

Он мечтательно улыбнулся, подумав, что мама, должно быть, сейчас обучает ласточку печь картофельный рулет. Или, например, пирог с капустой... Полезное дело! Лучше, чем заниматься проблемой противопехотных мин, коими пол-Африки засеяно...

За окном чуть потемнело – первый намек на сумерки. Там простирался двор, небольшой, вытянутый, зажатый между старинным зданием, выходившим в Столешников переулок, и трехэтажным флигелем, арендованным ЧОП «Варяг», а ныне откупленным со всеми потрохами у столичной мэрии. В переулок вела высокая арка, перекрытая решетками, с первым постом охраны; второй пост, секретный, находился левее, в одной из припаркованных в дворике машин. На первом этаже флигелька, где они, собственно, сейчас сидели, располагалось представительство ХАК, бывшая варяжская контора, ниже – подвальный арсенал, а выше – несколько квартир для самых доверенных сотрудников. Все они тут жили, Перфильев с женой и дочерью Танюшей, и Костя Прохоров с родителями, и Глеб Кириллов, и остальные, ибо, по мысли предусмотрительного Влада, охранное агентство должно первым делом охранять свои семьи. Беречь надежно, чтоб ни менты не сунулись, ни бритоголовая шпана! Каргин был с этим согласен, и потому над флигелем надстраивался четвертый этаж, его новая московская квартира.

– К китайцам кого думаешь отправить? – спросил Перфильев, неторопливо прихлебывая коньяк. – Не воевали мы с китайцами, ни в Пекине, ни в Шанхае не были, и спецов по Китаю у нас нет, не говоря уж о внешних данных. Разве вот только Саша Мазин – дед у него из бурятов, и глаза чуть косые, особенно после пятого стакана... Может, его и пошлем?

Каргин покачал головой.

– В Китай пока что никого. С ним разбираться надо осторожней.

– Как никого? Китай в приложении к контракту под третьим номером идет, после «косилок» и арабских мин... Они ведь, заразы, весь мир «калашами» завалили, а за базар не отвечают!

Взяв со стола листок с претензиями к юго-восточному соседу, Каргин пробежал его глазами и скривился. Были тут и «калаши», и гранаты, и пулеметы с минометами, бронетехника, гаубицы и полевые пушки, ракеты, снаряды и патроны... Много чего было! Длинный список, как река Янцзы... Однако не та держава Китай, чтобы буром на нее переть. Уже три месяца, как в отделе стратегических исследований ХАК разрабатывались обходные маневры, коварные планы и хитрые подставы, и чем дальше там мудрили, тем становилось

ясней: прямым давлением, угрозами, диверсиями или намеками на благородные поучения Конфуция делу не поможешь. Реальный выход заключался в том, чтобы скомпрометировать китайскую продукцию – скажем, чтобы гранаты взрывались до того, как выдернут чеку, или не взрывались вовсе. На этом пути, невзирая на всю его кажущуюся фантастичность, имелся определенный прогресс.

– В Китай мы никого не пошлем, – твердо промолвил Каргин и добавил: – Пока. А пошлем мы Глеба Кириллова в Бразилию. Он ведь испанский с португальским знает, на Кубе стажировался и вообще парень с головой. Хуан Кастелло с ним поедет, эксперт по снабжению и интендантской службе. Пусть разберутся с бразильским стрелковым оружием, слитым с «калашниковых».

– Пусть, – согласился Перфильев. – А интендант Кириллову зачем? Хуан этот самый?

– Он не простой интендант, а специалист по консервированию фруктов, мяса, овощей. Переговоры проведет с бразильцами, пообещает: если экспорт оружия прекратится, ХАК разместит у них ряд производств пищевой промышленности – тысяч на пятьдесят рабочих мест. А ежели не прекратится, тоже разместит, но в Аргентине.

Перфильев допил коньяк и восхищенно закатил глаза.

– Мудро! Большая, хрен ее, торговая политика! Ты где этому научился, Леха? У кого? Ведь не у нашего Толпыго, а?

– Ты, Влад, майора не трожь. Он человек великой мудрости, но в иных, не связанных с торговлей сферах, – строго заметил Каргин. – А научился я у одного старичка. Крутой старик, зубастый – если прямой наводкой не достанет, грохнет по высокой траектории. Как батальонный миномет!

– Хотел бы я его послушать, – с уважением сказал Перфильев, вдруг превратившись из капитана спецназа в предпринимателя. – Чему он тебя еще учил, этот старикан?

Прикрыв глаза, Каргин процитировал:

– Вот персы и арабы... У арабов – танки. Продай персам орудия и управляемые снаряды и жди, пока арабы не лишатся танков. Тогда продай им вертолеты и снова жди. Жди, пока персам не понадобятся стингеры. Продай их. По самой высокой цене. Когда задет престиж, денег не считают!

– Да это же просто песня! – воскликнул Перфильев и, внезапно развеселившись, захрипел и засвистел, отбивая такт кулаком: – Вот персы и арабы, как две шальные бабы... У арабов танки, и в каждом – русский Ванька... Персам ты продай снаряд, чтоб отправить Ваньку в ад... Помело продай арабам и стратега из генштаба... – Он закашлялся, плеснул себе коньяка и протянул бутылку Каргину. – Хочешь?

– Нет. Начну, как ты, песни играть, а у нас все же совещание.

– А что такое совещание? Законный повод промочить пересохшую глотку, – мудро заметил Влад и поинтересовался: – Сам-то куда лыжи наострил? Не к персам? Или, может, в Индию?

– В Прагу. Встречусь там с чехами и болгарками, а заодно с милой погуляю. Она у меня без свадебного путешествия осталась. Нехорошо!

– Нехорошо, – согласился Перфильев. – А в Индию свозить ее не лучше? Экзотика, блин! Храмы, йоги, тигры... На слоне супругу покатаешь.

– Если захочет слона, я ей в Праге куплю, – молвил Каргин с приятным сознанием широты своих возможностей. Прав отец, мелькнула мысль, деньги – тлен и прах, и есть у них лишь одно разумное назначение: делать подарки любимой. Такие, какие она пожелает.

– Ну, если ты в Прагу отдыхать поедешь, и остальным не грех развлечься, – сказал Перфильев. – Я не про себя, я, как договорились, тут останусь в качестве координатора, я о Прощке. Он у меня три года без отпуска, похудел уже и с лица спал. Отправить бы его в теплые края, на шашлыки и фрукты... – Влад придвинул поближе валявшиеся на столе

бумаги. – Вот, гляди: в пункте первом у нас Ата-Армут в Туране, с «косилками» и горным курортом на озере Кизыл... Очень подходящее местечко! Груши, яблоки, виноград, целебные источники... Опять же туранские красавицы, а Костя у нас парень холостой – может, и отыщет себе гурию-другую... Ну, а что до переговорного процесса, так здесь я сложностей не вижу – бывшая наша республика, как-никак. Все по-русски понимают, и слышал я, что Курбанов, их туран-баша, свой в доску парень. Я ничего не путаю – кажется, он еще при Брежневе был министром иностранных дел?

– Не путаешь, – подтвердил Каргин. – И министром был, и членом Политбюро, и первым секретарем ЦК компартии республики. Свой в доску, только нынче доска кривая.

– Это как понимать?

– А так, – Каргин хлопнул ладонью по бумагам. – Ты ведь видишь: первый пункт – Туран и «Кос-4». Выходит, без нас договориться на смогли? А почему? Всего-то дел – увести машины с базы, что в Прикаспийске, в Астрахань, а завод перепрофилировать...

– Ну, про машины неизвестно, есть они или ржой рассыпались, – возразил Перфильев. – В любом случае, без автоматики эти «косилки» лом и хлам. Ездить можно, а стрелять – навряд ли.

– Однако челябинское КБ желает их забрать. Добились даже, чтобы этот вопрос поставили первым. Что-то, значит, не срослось у них с туран-башой.

– Я с Барышниковым встречался, с заместителем главного конструктора, – сказал Влад. – Он утверждает, что на уровне туран-баши переговоры не велись, не допустили их до президента. То он занят, то болен, то на выезде в Парижах и Лондонах... Ну, Прощка цепкий, словно клещ, если надо, отловит Курбанова. Кстати, Барышников хочет с ним поехать, как представитель КБ и «Росвооружения».

– Пусть едет, – кивнул Каргин. – Нельзя, однако, чтобы их воспринимали как российских переговорщиков, коим можно мозги крутить и парить, а при случае – и подкупить. Операцию проводит ХАК, американский концерн, и это каждому должно быть ясно. А потому... – Он призадумался и, после паузы, продолжил: – Потому с ними отправится мистер Генри Флинт, советник по экстремальным ситуациям. Человек опытный, к тому же черный – сразу видно, что американец.

– И пьет хорошо, – одобрительно заметил Перфильев. – Наш кадр!

«Не наш, а Мэлори, – подумал Каргин, – и лучше от него избавиться. Чтоб в Праге хвостом за мной не таскался». А вслух сказал:

– Денег им надо выдать побольше, на тот случай, если придется кого подмазывать. Восточные люди без бакшиша не работают... Ты справки наводил про Ата-Армут – имеется там какой-нибудь солидный банк?

Перфильев насмешливо прищурился.

– А как же! Первый Президентский называется.

– Что, еще и второй есть?

– Само собой. Из достоверных источников известно, что у туран-баши два племянника.

– Что-нибудь еще кроме этих двух?

– Сомневаюсь. Два банка вполне достаточно для среднеазиатской демократической республики. Если и есть какие-то другие, так наверняка жулье.

С минуту Каргин размышлял, уставившись взглядом в потолок. В Чехии, Индии, Бразилии, даже в Гренландии и арабских странах, были надежные банки, а в них – счета «Халлоран Арминг Корпорейшн». Не просто счета – вклады в десятки и сотни миллионов долларов, так что проблем с финансовым обеспечением переговорного процесса нигде не предвиделось. Нигде, кроме Турана и, возможно, Огненной Земли да гималайского княжества Мастанг.

– Счетов открывать не будем, возьмут с собой наличные, – наконец решил Каргин. – Пару чемоданов с подарками и деньгами.

– А сколько командировочных отпустишь? Тысяч пятьдесят зеленых? – любопытствовал Перфильев.

– Пятьдесят! Да этого на чаевые не хватит! Миллиона два или три... Я ведь сказал: лучший отель и кадиллак к подъезду! – Каргин побарабанил пальцами по столу, затем оглядел скромный кабинет, стулья с потертой тканевой обивкой, шкафы с документами в картонных папках, громоздкий прадедовский сейф – оглядел все это и молвил: – И еще одно, Влад... Ты не обижайся, но офис для нашего представительства нужен побольше и попрестижней. С тобою кто остается из наших, Черный и Мазин? Вот поручи им, пусть присмотрят здание у Красной площади или на Садовом кольце, этажей пять-шесть, с двумя подъездами и двориком. Откупим и оборудуем резиденцию не хуже, чем в Нью-Йорке и Сан-Франциско.

Перфильев поглядел на него с непонятной жалостью, поскреб огромной пятерней в затылке, потом спросил:

– Ты, Леха, москвич или нет?

– Мать москвичка, отец – с Кубани, – удивленно откликнулся Каргин. – Сам я на Дальнем Востоке родился, под Хабаровском, в Москву в восемьдесят седьмом попал, в Школу внешней разведки, а потом – в «Стрелу»... Ну, об этом ты знаешь.

– А я москвич хрен знает в каком поколении, – с задумчивым видом произнес Перфильев. – Есть семейное предание, что род наш то ли от стрельца какого-то пошел, то ли от опричника Ивана Васильевича, Грозного царя... И вот что я тебе скажу, Лешка, скажу как старый москвич молодому: нет престижней места, чем в Столешниковом. Это высший шик, номеклатура первого разряда! Что там Красная площадь и Садовое кольцо! Хоть мавзолеей откупи или там собор Василия Блаженного, а со Столешниковым не сравнить.

– Я не из новых русских, на мавзолеей и собор не претендую, – сказал Каргин. – Если тебе мил Столешников, здесь и останемся, однако домик с ювелирной лавкой, что выходит в переулок, нужно нам приватизировать. Лавка пусть остается на месте, все-таки московская реликвия, а верхние этажи расселим по-хорошему, и будет там резиденция ХАК. Ты в этом направлении поработай и на компенсацию не скупись, фирма не обеднеет.

– Поработаю, – пообещал Перфильев.

Они замолчали, глядя, как за окном сгущаются синие апрельские сумерки. Потом Каргин промолвил:

– Бумаги подписаны, печати приставлены, люди распределены, и начинается наш труд... Сдюжим ли? Справимся? Как думаешь, Влад?

– Справимся, отчего не справиться, – отозвался Перфильев. – Или мы не бойцы? Или пыль не глотали на трех континентах? Справимся!

* * *

Интермедия. Ксения

Вечер и ночь – рабочее время, гнусное, суматошное, печалиться и думать некогда, а вот утром, часов до двенадцати, а то и до двух пополудни, можно отсыпаться в тишине. Не сразу, конечно; сначала душ принять, намылить и потереть во всех местах, где лапали, куда совали... Потом в халатик влезть, перекусить, кофе выпить и посидеть на диванчике у окна, повспоминать... Хоть гад Керим, а все же квартиру снял отдельную, двухкомнатную, и это хорошо – есть куда забиться и нарыдаться всласть, оплакать свою молодость и красоту, губы свои и глаза, каждый пальчик и волосинку и все остальное, будь оно проклято...

А начиналось-то как! Как начиналось! С посулов и обещаний, а если уж вспомнить все как следует, то с объявления... Нет, не с того объявления в газете – с мечты! Танцевать мечтала... Пусть не в Большом театре, не в столичном балете, но все-таки на сцене... Могла ведь, могла! В семнадцать – второй разряд по спортивным танцам, трижды ездила в Москву, один раз – в Питер... Латиноамериканские отлично шли – румба, пасадобль, капоэра... Еще испанские танцевала, фламенко и танго...

Ну и что? Кому нужна смоленская девчонка-безотцовщина? То есть нужна, конечно – на кровати, голой, в разных позах. Если ни нарядов нет, ни денег, ни знакомств и связей, спонсора ищи, без спонсора не пробьешься. Был бы спонсор молод и хорош собой, она бы, скорей всего, не возражала, только попадались все какие-то лысые огрызки, старые да слюнявые... Ксению от них тошнило. Казалось, ляжешь с таким, век не отмоешься.

Знала бы, с кем придется лечь!

Потом – объявление это... Девушек ищут, не старше двадцати, высоких, стройных и с хорошей пластикой... В школу, с трудоустройством после окончания и пока бесплатную, даже со стипендией. Платить придется, но с первых заработков, а сейчас обучат просто так, и выбрать можно: или демонстрация одежды и белья, или съемки для рекламных роликов, или танцы. Классика, восточные и современные... Восточные танцы Ксении очень нравились.

Ключула, поехала в Москву, а школа оказалась вовсе не там, а в южных краях, где зреют персики и виноград с инжиром. В Москве только просмотр был, отборочная комиссия и оформление документов. На ура прошла комиссию, оформилась, деньги какие-то получила, паспорт отдала... Тогда и с Керимом познакомилась, он с другими парнями-южанами паспорта собирал, как бы на визы, и девушек поил-кормил. Видный, высокий, красивый... Она ему сразу глянулась – в ресторан сводил, рассказывал про мать-отца, про дом их богатый и про, что всегда мечтал жениться на русской девушке, чтоб волосы как золото и глазки голубые... Вот глазки-то и разгорелись! В гостиницу к себе отвел и был у Ксении первым, а когда всплакнула о потерянном, утешать принялся: учиться будешь и в семье жить, моя газель, родители тебя лелеять станут, внуков им нарожаешь, маму из Смоленска выпишешь... Что ей в том Смоленске? Летом пыль, зимою холод, весной и осенью грязь, и нищета в любое время года... А у нас край богатый, изобильный, и всякая русская девушка – королева! С почтением относятся и ласково так зовут, Наташами...

Ну, вот и стала Наташей... Наташкой раздвинь коленки...

Удавиться, что ли?

Но задыхаясь, словно от гнева,
Объяснил толково я: главное,
Что у всех толчковая – левая,
А у меня толчковая – правая.

Владимир Высоцкий

Глава 3

Прага, начало мая

В Праге цвела сирень. Ее аромат, тонкий и нежный, струился с зеленеющей садами горы Петржин и плыл над Пражским Градом, Малой Страной и мутноватыми влтавскими водами. Река, закованная в гранит, бурлила и негромко рокотала, кружила унесенные половодьем ветки, билась о каменные устои мостов. Самый красивый и знаменитый из них, Карлов, был украшен потемневшими изваяниями и готическими сторожевыми башнями: две – на левом берегу, одна – на правом. От башен веяло почтенной древностью – было им шесть или семь веков, а значит, строили их в те годы, когда цивилизованный мир слыхом не слыхивал про Америку. Тем более, про Калифорнию и город Сан-Франциско.

Кэти, судя по восхищенно-почтительному выражению лица, это понимала. Ее ладошки ласкали старый камень парапета, глаза перебегали с левого берега на правый, с горы и башен собора святого Вита на черепичные кровли Старого Города. По заокеанским меркам все эти башни, дома и дворцы были невысокими, однако казались куда величественней небоскребов, напоминая не о промышленниках и банкирах, а о всевластных королях, могущественных полководцах, искусных ремесленниках и героях гуситских войн.

Не отрывая пальцев от парапета, Кэти сделала несколько шажков. Ее туфельки звонко цокали по камню, гулявший над Влтавой ветер развеивал каштановые волосы.

– Керк! Чья это статуя, Керк? Вон та, где рыцарь со львом?

– Это король Брунцвик, – пояснил Каргин, обнимая гибкую талию жены. – До того, как стать владыкой королевства, он странствовал в дальних странах и подружился со львом. Еще волшебный меч нашел.

Кэти наморщила лоб.

– Не помню я о таком короле. В каком столетии он правил?

– Ни в каком, солнышко. Брунцвик личность легендарная, но говорят, – Каргин таинственно понизил голос, – что меч его на самом существует и замурован в каменной кладке моста. Когда чехам придется совсем туго, воспрянут от сна зачарованные рыцари, дремлющие под горой Бланик, и поведет их в битву сам святой Вацлав, покровитель здешних мест. На этом мосту белый конь его споткнется и выбьет копытом из мостовой волшебный меч. Поднимет его Вацлав, крикнет: «Всем врагам чешской земли головы долой!» – и так оно, милая, и случится.

Кэти остановилась и внимательно поглядела на него.

– А ты чешской земле не враг?

– Ни в коем случае, – успокоил ее Каргин. – Не воевал я в Праге и ни в одном из чешских городов, и клянусь, что воевать не буду. Если только придется братьев-славян защищать, но это сомнительно – они ведь в НАТО намылились.

Тут ему и в самом деле воевать не довелось. К счастью! В тот год, когда советские танки вступили в Прагу, Каргин еще пешком под стол ходил, а его отец тянул лямку комбата на монгольской границе. В Праге ему случалось бывать проездом, когда летал на Кубу, в Боснию или в другие места, и ни разу больше двух дней он здесь не задерживался. К тому же озабочен был предстоящим заданием и на городские красоты не любовался. А сейчас...

Сейчас было так сладко, так радостно стоять на Карловом мосту с женой, чувствовать, как аромат ее кожи смешивается с запахом сирени, обнимать ее и шептать в розовое ушко старые чешские предания. О красавице Либуше и храбром Бивое, о королях Святоплуке и Брунцвике, о лучанской войне, опатовицком кладе и кутногорских рудокопах... Миг счастья, когда есть только настоящее, и нет ни прошлого, ни будущего – ни поля под Киншасой,

заваленного трупами, ни тайной войны в Сараево, ни пылающих селений Руанды, ни югославских бомбежек, ни схваток с «эскадроном смерти» на острове у берегов Перу... Равным образом нет и заботы об операциях ХАК, о людях, что разлетелись по всему земному шару от Турана до Бразилии, о минах, пушках, танках, пулеметах и тому подобной хламоте, которую сейчас и вспоминать не стоило. Здесь, рядом с Кэти, посреди прекрасной Праги, думать хотелось лишь о хорошем.

– Завтра, – услышал Каргин, – завтра мы поднимемся на эту гору, осмотрим замок и собор и будем гулять в садах. Чудные сады, не правда ли, милый?

Возвратившись к реальности, он смущенно почесал в затылке.

– Завтра, ласточка, вряд ли получится. У меня переговоры с чехами.

– Ну, тогда послезавтра.

– Послезавтра – с болгарками... Может быть, ты на пару дней куда-нибудь съездишь? В Карловы Вары, например?

Кэти, лукаво улыбаясь, закинула руки ему на шею.

– Никуда я не поеду, Керк! Я с тобой останусь. Переговоры штука нервная, утомительная... Кто тебя будет вдохновлять? Особенно ночью?

– Некому, кроме верной жены, – согласился Каргин.

Не размыкая рук, они медленно двинулись к правобережью и высокой староместской башне. Туристский сезон только начинался, и зевак на мосту было еще немного. Зато имелись художники, по паре дюжин с каждой стороны, молодые, средних и преклонных лет, но все в просторных блузах и беретах, с красками, тушью, углем или карандашами. Рядом с каждым живописцем – картины и гравюры, прислоненные к парапету или развешанные на стендах. Почти Париж, мелькнуло у Каргина в голове. Даже лучше Парижа – город не чужой, славянский, и люди тут без присущей французам надменности.

– О! – воскликнула Кэти, энергично разворачивая его к одному из стендов. – Ты только посмотри, Керк! Вот это, это и это...

Триптих, понял Каргин. Средняя гравюра – Карлов мост, крайние – вид на гору с садами и Пражским Градом, и на Старый Город. Тонкая работа, искусная, тщательная, под старых мастеров... И художник далеко не молод – пожалуй, восьмой десяток разменял.

– Хочу, – сказала Кэти.

– Нет проблем, – ответил Каргин и, вытащив бумажник, обратился к живописцу в вельветовом балахоне: – Пан говорит на английском или французском?

– Говорит. – Старый художник, присматриваясь к ним, разгладил седые усы. – Аще розумиет немецкий, русский, польский и румынский.

– И русский тоже? – Каргин перешел на родной язык. – Ну, замечательно! Мы хотим приобрести эти три гравюры. Сколько?

Художник замялся.

– Пан из России?

– Да. Из Москвы.

– А ваша девичка?

– Это моя жена. Американка, из Калифорнии.

На лице художника изобразилось сомнение.

– Пан... как это сказать?... новый русский, да? Из этих, из богатых бизнесменов?

– Нет. Пан просто русский, – ответил Каргин, улыбаясь. Беседа принимала забавный оборот. – А почему вы подумали, что я богат?

– У пана толстый бумажник и жена-американка.

– Бумажник – дар судьбы, а жена... Встретились, полюбили, поженились.

Старик сдвинул берет на затылок, оглядел Кэти с ног до головы и одобрительно причмокнул.

– Зрю, пан не новый русский. Эти, как новые чехи, никого не любят. Им и слова такие неведомы. А я хочу, чтобы мои картины в том доме висели, который согрет любовью.

Кэти дернула Каргина за рукав.

– Вы о чем говорите? Я половины не понимаю... В любви друг другу объясняетесь?

Каргин перешел на английский.

– Нет, ласточка. Мастер сказал, что продаст нам эти гравюры только в том случае, если ты докажешь, что любишь меня.

– А разве этого не видно? – заявила Кэти, взмахнув ресницами.

– Видно, – подтвердил художник, – видно, красна пани! И потому старый Иржи Врба отдаст вам свои работы за сто американских долларов.

– Это даром, – сказал Каргин, раскрывая бумажник. – За каждую по сто! И пусть их нам доставят в отель «Амбассадор», что на Вацлавской площади. Для миссис Алекс Керк.

Покачивая головой, живописец принял деньги.

– Пан уверен, что он не новый русский?

– Абсолютно, – сказал Каргин и, подхватив Кэти под локоток, повлек ее к староместской башне. Они миновали Кржижовницкую площадь, подивились на храм святого Сальватора и Климентинум, двинулись по Карловой улице к ратуше, дождались в толпе туристов, пока не ударят часы и не начнется шествие апостолов, затем повернули на Парижскую улицу и прошли ее из конца в конец, до еврейского гетто и набережной Влтавы. Здесь, в каком-то крохотном кабачке, съели шпикачки и выпили пива, потом, обнаружив уединенную скамейку у самой воды, устроились там и начали целоваться. Каштан шумел над ними свежей зеленой листвой, запах сирени кружил голову, и было им так хорошо, словно весь мир вдруг превратился в прекрасную весеннюю Прагу.

* * *

Переговоры с чехами прошли на редкость гладко. Ныне Чехия была самой благополучной из стран бывшего соцлагеря, а значит, и самой законопослушной. Учитывая это, а также стабильность кроны, приятные чешские пейзажи и отсутствие серьезных социальных катаклизмов, «Халлоран Арминг Корпорейшн» разместила в Праге свой Восточно-Европейский филиал. Располагался он на улице под названием Панска, в двух шагах от Вацлавской площади, и трудилось в этом филиале уже человек шестьдесят, распределенных по отделам от болгарского до польского. Большого Босса – то есть мистера Алекса Керка – встретили с исключительной теплотой, под гром выбиваемых из шампанского пробок и щелканье каблучков, затем поднесли цветы супруге и были допущены к целованию ручки. Не все, разумеется, шестьдесят, но семь начальников отделов, шеф филиала Дэвид Гир и его заместитель Ли Джордж Уэст. Затем Каргин, Гир и сопровождавший их юридический советник Марвин Бридж проследовали в совещательную, а Ли Уэст, приятно улыбаясь и рассыпаясь в комплиментах, повез миссис Алекс Керк в Национальный музей, любоваться камнями, жуками и засушенными бабочками. Музей тоже был рядом, но по дороге предполагалось посетить дома, где жили когда-то Моцарт, Сметана и Дворжак, и заглянуть в пивную «У калиха», к бессмертному Швейку, подкрепиться пивом и кнедликами с капустой. Правда, о Швейке у миссис Алекс Керк было такое же смутное представление, как о кнедликах, и Каргину показалось, что ласточка путает Великого Солдата то ли с Санта Клаусом, то ли с Карлссоном, который живет на крыше.

Представители чешской стороны явились точно в двенадцать пятнадцать и, ознакомившись с полномочиями ХАК, тут же подписали три документа: протокол о признании

недействительной лицензии на производство pistols ТТ и ПМ;⁸ гарантию, что вышеуказанное производство будет свернуто в течение двух месяцев; и акт, в котором чехи обязались не экспортировать данные виды изделий и уничтожить их товарные запасы, а ХАК обещала не применять в этом случае штрафов и иных юридических либо финансовых санкций. Покончив с формальностями, стороны распили пару бутылок «Мартеля», и, после третьей рюмки, глава чешской делегации заметил, что ПМ и ТТ были отличным оружием, но устарели морально и не тянут сравнительно с CZ75FA и модернизированным «Скорпионом».⁹ Отчего бы «Халлоран Арминг Корпорейшн» не продвинуть эти изделия на широкий рынок, потеснив, к примеру, тем же «Скорпионом» израильский «Узи»? Каргин налил гостям по четвертой и обещал обсудить эту идею с исполнительным директором ХАК.

С болгарами, прилетевшими в Прагу из Софии, все получилось много хуже. Миссис Алекс Керк отправилась с галантным Ли Уэстом обозревать еврейское гетто, ныне – музей с синагогами, семисвечниками, расшитыми покрывалами торы и древним кладбищем с могилой волшебника Бен Бецалеля, а Каргин парился в совещательной, выслушивая жалобы на скудость и бедность, проклятия в адрес разоривших страну коммунистов и намеки на нерушимую русско-болгарскую дружбу. Видимо, разведка у болгар была поставлена неплохо, иначе откуда им знать, что мистер Алекс Керк на самом деле русский? Русским же свойственны мягкосердечие и жалость к убогим, и потому в самых чувствительных местах Каргин закрывал глаза и повторял про себя суровые максимы деда: «Продай персам орудия... Продай арабам вертолеты... Продай по самый высокой цене!»

Перед ним сидели сейчас не братья-болгары, а международные мошенники, торговцы поддельным российским оружием и, как доносила разведслужба ХАК, люди весьма не бедные, хапнувшие ряд государственных заводов, имевшие связи с курдами, с афганскими талибами и, разумеется, с албанцами. Их годовой доход исчислялся миллионами в шестьдесят, и львиную долю его составляли те же ТТ, ПМ, патроны и запчасти, а также неведомо как попавшая в Болгарию модель «карманного» револьвера, который можно прятать в рукаве и в дамской сумочке. Так что бедностью тут и не пахло, и были эти типы хоть не из крупных акул, как дедушка Халлоран, но, несомненно, из зубастых щук.

Выслушав их, Каргин кивнул Марвину Бриджу.

– Есть предложение, – сухим профессиональным тоном произнес юридический советник. – Полномочия, полученные ХАК, позволяют нам продлить лицензию. Кроме того, мы готовы вложить в модернизацию производства некую сумму... – он выдержал паузу, – скажем, равную двухгодичному обороту вашей компании. Разумеется, если это представляет для вас интерес.

Болгары насторожились, будто псы при запахе лакомой кости. Наконец, после минутной заминки, Пламен Панчев, глава делегации, спросил:

– На каких условиях?

Бридж – тощий, похожий на воблу, засушенную лет десять назад, – добросовестно перечислил:

– Дополнительная эмиссия акций, передача ХАК контрольного пакета и половины мест в совете директоров, а также постов генерального управляющего и главного менеджера по сбыту.

⁸ ТТ – пистолет калибра 7,62 мм, разработан в 1930 г. Токаревым, выпускался Тульским оружейным заводом и был чрезвычайно популярен; до сих пор выпускается в Китае, Коре, Польше, Венгрии и некоторых других странах. ПМ – пистолет Макарова, калибр 9 мм, прототип – немецкий «Вальтер»; находится на вооружении с 1951 г. и не менее популярен, чем ТТ. Емкость магазина у ТТ и ПМ – восемь патронов.

⁹ CZ75FA – чешский пистолет разработки 1994 г, калибр 9 мм, емкость магазина 15 патронов, имеет ряд оригинальных конструктивных особенностей – например, запасной магазин может примыкаться к стволу и служить дополнительной рукояткой при стрельбе «с двух рук». «Скорпион» – чешский малогабаритный пистолет-пулемет, калибр 7,65 мм, емкость магазина – до 30 патронов.

– Но это значит, что мы превратимся в дочернее предприятие ХАК!

– А что в этом плохого? – промолвил Каргин. – Не будем спорить и ссориться. Будем работать и честно платить налоги.

При упоминании о налогах болгары разом вздрогнули, и один из них пробормотал:

– А если мы не согласимся? Какую альтернативу вы можете предложить?

На этот раз Каргин кивнул Гиру.

– Судебное разбирательство в Софии, очень быстрое и энергичное, – сказал тот. – В результате вас пустят с молотка, и на открытом аукционе мы купим ваши активы.

– Этот вопрос с вашим правительством согласован, – добавил Марвин Бридж. – С правительством, президентом и большинством сенаторов.

Панчев позволил себе усмехнуться.

– Наши позиции в правительстве очень крепки.

– Крепость позиций определяется суммой, – со скучающим видом заметил юрист. – К тому же все правительства, даже самые продажные, любят получать налоги, а не огрызки в виде мышинных хвостов. Такова реальность, господа!

За столом воцарилось угрюмое молчание. Каргин, прикрыв глаза, думал о том, что есть битвы и битвы; в одних пули свистят, рвутся снаряды и вспарывают штыками животы, а другие ведутся бескровно, но от того они не менее свирепы. Из скромного опыта, приобретенного им за девять последних месяцев, он сделал вывод, что схватки в мире бизнеса ведутся по тем же правилам военного искусства: фланговый обход, разгром тылов и взятие противника в клещи. Затем, как говорил майор Толпыго, пусть побежденный плачет... И платит, добавлял старый Халлоран.

– Мы... мы подумаем, – выдавил Панчев. – Мы просим о новой встрече, дня через три-четыре.

– Принято, – сказал Каргин и поднялся.

«Мартелем» этих гостей не угощали.

* * *

Под вечер, сидя в просторном номере гостиницы «Амбассадор» и поджидая загулявшую супругу, он связался с Владом Перфильевым. Связь шла через спутник, с помощью устройства, запрятанного в черный плоский кейс, и, как утверждали специалисты корпорации, перехватить беседу было невозможно. Ну, а если бы это все-таки случилось, расшифровка заняла бы месяца два.

Лицо Влада на маленьком, в тетрадный лист экранчике было оживленным. Таким же, как вчера и позавчера во время регулярных сеансов связи, и это означало, что дела идут нормально.

– Кириллов с этим, с интендантом Костенко, прижали бразильян, – прохрипел Перфильев вместо приветствия. – Чуть, понимаешь, переворот не случился: хунта скотоводов и овощеводов против хунты оружейников! Одни хотят консервы делать, другие – «калаши», но в их Бразилинии, похоже, «калаш» против консервной банки не потянет.

– Южная страна, сельскохозяйственная, – отозвался Каргин. – Ты прикажи Кириллову и Кастелло, пусть не очень давят. Народ на югах горячий, а революции нам ни к чему.

– Ни к чему, – согласился Перфильев, – мы от своей еще не отдышались. – Потом добавил: – У Прошки и Флинта в Ата-Армуте все без изменений. Добиваются встречи с сардаром или с кем-нибудь из сераскеров повлиятельней, но пора тишина и никакой реакции. Хотя денег на бакшиши потратили много.

– Сардар и сераскер – это кто такие? – поинтересовался Каргин.

– Это у них новые воинские звания, с восточным, блин, колоритом, – объяснил Перфильев. – Сардар – министр военной промышленности и обороны, а сераскер – генерал.

– А капитан как будет? Ротный?

Влад заглянул в невидимую Каргину бумажку.

– Юзбаши, сотник значит. Вот, Леха, служили мы с тобой лет десять, кровь проливали, а все юзом... Ну, ничего, ничего! – Он ухмыльнулся. – У Прошки тихо, зато Эльбекян шурует во-всю, и есть у него любопытные новости. Эти парни, что мины клепают в Марокко, Тунисе и Алжире, вроде бы и не арабы. Арабы там, конечно, есть, но в главных закоперщиках лягушатники и макаронники, а может, и фрицы руку приложили. Готовы пять процентов платить, если отвяжемся.

– Не отвяжемся, – сказал Каргин. – Проинструктируй Эльбекяна: пусть затаится и на переговоры не идет. Выждать надо, примерно недели две.

– А чего ждать?

– Пока караваны в Сахаре не остановят. Ну, это уже моя забота...

Он распрощался и спрятал черный чемоданчик в объемистый сейф, где хранились кое-какая наличность и гравюры мастера Врбы, тщательно упакованные в картон и бумагу. Связываться со штаб-квартирой было еще рано – в Калифорнии глухая ночь, Мэлори наверняка поживает, и будить его повода нет. Тем более, что разобраться с миноклепальщиками будет удовольствием не из дешевых.

Стукнула дверь, и в комнату порхнула Кэти – возбужденная, раскрасневшаяся, при двух коридорных, тащивших какие-то пакеты, коробки и коробочки. Чмокнув супруга в щеку, она принялась раскладывать все это добро, попутно объясняя, где новая шляпка, где вазы богемского хрусталя, а где подарки родичам – заокеанским и тем, что в Краснодаре. Кажется, кроме музеев и исторических пивных, она обследовала лавки от Парижской улицы до Вышеградского замка.

Каргин поймал ее, усадил на колени и сказал:

– Скоро ужинать пойдем. А после ужина будешь меня вдохновлять. День выдался тяжелый, ласточка, и я нуждаюсь в твоём сочувствии.

– А завтра как?

– Завтра я свободен. Хочешь, в зоопарк поедем, на слоне покатаемся?

– Хочу.

Кэти затихла, прижавшись щекой к его груди, и Каргин, ласково поглаживая ее плечи, вдруг подумал, что за прошедшие месяцы ласточка сильно изменилась. Очень боевая девушка была, самостоятельная, с крутым американским напором, с желанием вырвать у жизни все, о чем мечталось: парня – обязательно богатого, успешную карьеру в ХАК или в иной компании, толику влияния и власти, поездки в Европу... Теперь все это ее как бы не интересовало – кроме парня, разумеется. Словно лопнула скорлупа, размышлял Каргин, треснул панцирь, в котором она пряталась от мира, и из обломков вышло совсем иное существо, трепетное, нежное... Но не беззащитное! Каким-то шестым или седьмым чувством Каргин ощущал, что есть у ласточки тайная сила, и что за него, за будущих их детей и внуков, она, случись несчастье, горло перервет. С коготками кошка... Что поделать, заокеанское воспитание: врагов не прощать и отвечать ударом на удар.

Кэти пошевелилась, дунула ему в ухо, зашептала:

– Родителей твоих вспоминаю... Отец строгий, жесткий, из генералов генерал, как Джордж Вашингтон или Улисс Грант, а мама... Хорошая у тебя мама, но странная. Может, все матери в России такие, а?

– Какие? – спросил Каргин.

– Понимаешь, когда я маленькой была, совсем маленькой, отец и мать меня ласкали, целовали и на руках носили. Потом – все реже и реже... В двенадцать лет еще могли обнять,

а вот в семнадцать – только по плечу похлопать, вот и все контакты на телесном уровне. Хотя любили меня и любят сейчас, и говорят, какая я умница и замечательная дочь. Любят Керк, правда! Ты же сам видел, на свадьбе!

По мнению Каргина, кэтины родители, Дуглас, профессор-филолог из Филадельфии, и Барбара Финли, в девичестве Грэм, были вполне нормальными людьми, воспитанными, сдержанными, но, безусловно, обожающими дочку. А что эмоций не проявляют, так это понятно: из филадельфийских пуритан, у коих эмоции признак слабости. Да и в иных местах не принято как-то тетешкать девицу, которой стукнуло двадцать три, дочь она или не дочь...

Рассуждал он об этом с высоты своего зрелого возраста, позабыв, что его самого лаской не обделяли – ни в семнадцать, ни в двадцать три.

– Твоя мама, – снова начала Кэти, – она ко мне прикасалась, руки гладила и по щеке, а иногда подойдет, на цыпочки встанет и поцелует в макушку... Молча, без слов... Она такая, что я себя при ней ребенком чувствую, и детство вспоминаю, и ночью плачу, будто чего-то мне недодали, а эти мысли – грех... Грех, милый! Ведь у меня хорошие родители, верно? Только другие, чем у тебя... Почему?

– Ментальность у наших народов разная, – подумав, сказал Каргин. – Вы от британцев происходите, от англосаксов, людей работающих, честных, но суровых, а наше российское племя разбойное и беспутное, зато ласковое. Это и в языке заметно. – Поискав глазами, он кивнул на диван. – Видишь? Диван по-английски так и останется диваном, а на русском можно сказать «диванчик», «диванушка», «диванушечка»... Словом, ласкательных суффиксов вам не хватает!

Кэти рассмеялась.

– Может, и не хватает, но в одном ты, милый, ошибся: предки мои, Грэмы и Финли, вовсе не англосаксы, а кельты, шотландцы с гор. Те еще были разбойники!..

– И это нас объединяет, – молвил Каргин, целуя ее губы.

В эту ночь Кэти была с ним как-то по-особенному нежна. Наверное, предчувствовала разлуку.

* * *

Ранним утром – солнце еще не поднялось – Каргин, покинув теплую постель и сладко спавшую супругу, связался с коммодором Мэлори. С полчаса они обсуждали сахарские проблемы. Суть их заключалась в том, что пустыня, с одной стороны, была велика и даже огромна, а с другой, караваны с оружием пересекали ее по известным и не слишком многочисленным маршрутам, проложенным еще туарегами, а может, нумидийцами в эпоху Пунических войн. Пустыня есть пустыня, как по ней не странствуй, с верблюдами или с машинами: шаг влево, шаг вправо – смерть или иные серьезные неприятности. Так что блокировать тропы, ведущие от побережья к Мали и Нигеру, казалось вполне посильной задачей, и исполнители были – если не сам Иностранный Легион, так ошивавшиеся при нем части поддержки, вроде «гиен» покойного майора Кренны. Каргин оценивал трехмесячную операцию миллионов в тридцать, Мэлори – в пятьдесят, но в любом случае эти затраты были для ХАК несущественной мелочью, единственной строчкой в «черном» балансе. Конечно, могло случиться и такое, что миноклепатели выдержат три месяца осады и белый флаг не выкинут. Прессинговать их пару лет было бы слишком дорого и долго, и потому на сентябрь был намечен резервный вариант: диверсии на производстве, подрыв хранилищ с готовой продукцией и ликвидация сырьевых каналов.

После обсуждения этих проблем коммодор сообщил, что намечаются сдвиги с экспортом из Поднебесной. Самый надежный способ – поставки в Китай оружейной стали и взрывчатых веществ по соблазнительно низким ценам и через десятки руки, через швед-

ских, финских и румынских посредников. Сталь и взрывчатка были вполне кондиционными, но к ним добавлялись кое-какие компоненты в микроскопических дозах, и в результате их взаимодействия стволы выходили из строя примерно после трехсотого выстрела. Кроме того предлагались сопутствующие меры: кампания в СМИ арабских и африканских стран, вброс дезинформации, порочащей китайские изделия, и даже телесериалы на фарси, арабском и корейском, в которых службы безопасности Кореи, Ирана и Ливии разоблачают наглых пекинских халтурщиков. Каргин отметил, что идеи эти плодотворны, и распорядился темпа не снижать.

После завтрака он позвонил Марвину Бриджу, обитавшему в том же «Амбассадоре», и сказал, что три-четыре дня, до новой встречи с болгарами, советник может быть свободен. Затем выпил кофе и отправился с супругой осматривать зверинец и ботанический сад. Вечер они провели в кабаре «Альгамбра», в обществе Ли Уэста и его жены – точнее, прелестной дамы из Оломоуца, которую Уэст, поклонник прекрасного пола, выдавал за спутницу своей непутевой жизни.

Дальнейшее время Каргин провел в семейных развлечениях, включавших поездку на катере по Влтаве, осмотр живописных окрестностей, замка в Карлштейне и древних серебряных копей в Кутна-Гора, и посиделках в исторических пивных, названия которых неизменно начинались на букву «У»: «У коцоура», «У супа», «У двоу кочек» и, разумеется, «У калиха».¹⁰ Все эти скромные радости заставили его расслабиться, почувствовать себя молодоженом и отрешиться от иных забот, кроме поисков ожерелья для Кэти из багровых чешских гранатов и обсуждения с нею вопроса об оттенке ванны, которую предполагалось установить в их московской квартире. В эти тихие счастливые дни он не вспоминал о «Халлоран Арминг Корпорейшн», о правах и обязанностях ее наследника и президента, о хитроумном коммодоре Мэлори и суровом старце, затаившемся где-то в просторах Тихого океана. Пожалуй, со всем этим его связывали только ежевечерние рапорты Перфильева, но в них ничего тревожного не содержалось: в Бразилии все шло путем, Прохоров и Флинт добивались приема у какого-то важного туранского чиновника, а Эльбекян с Винсом Такером сидели как пара мышек в норке, пили шербет и поджидали разгрома первых караванов.

В ночь перед встречей с болгарами его разбудил телефонный звонок. Кэти спала, разметавшись в огромной постели, и тихое гудение счастливым ее сном не помешало – тем более, что Каргин тут же поднял трубку. В следующий момент он посмотрел на часы – было сорок три минуты второго.

– Где твоя штучка-дрючка, Леха? – прозвучал хриплый голос Перфильева. – Связаться не могу, а надо бы поговорить.

– Минуту, – сказал Каргин, сообразив, что Влад говорит о чемоданчике. Он аккуратно повесил трубку, выбрался из кровати и, как был босиком, проскользнул в гостиную, к сейфу. Минута еще не прошла, а на экране появилась физиономия Перфильева. Выглядел он хмурым, совсем не таким, как только что минувшем вечером, во время предыдущего доклада.

– Сообщение от Генки Флинта и от Сергеева, – произнес Влад без предисловий. – Прохоров с Барышниковым пропали.

– Обстоятельства? – сдвинув брови, спросил Каргин.

– Ты ведь знаешь, я в английском не силен, и с Флинтом беседовал через Макса-переводчика. По его словам выходит, что Прошка и Барышников отправились в шалман, поужинать, а шалман тот из самых дорогих и в трех кварталах от отеля. Вышли не поздно, в шестом часу по местному времени, и больше Флинт их не видел. А сейчас в Ата-Армуте около девяти

¹⁰ «У коцоура» – «У кота»; «У супа» – «У грифа»; «У двоу кочек» – «У двух кошек»; «У калиха» – «У чаши», знаменитая пражская пивная, в которой, согласно преданию, пил пиво Швейк.

утра. – Перфильев помедлил и добавил: – От Сергеева те же сведения. Обещал звонить, если что-то новое раскопает.

Сергеев был человеком Влада, сопровождавшим делегацию под видом секретаря, завхоза, финансового распорядителя и прочее, и прочее. Серьезный мужчина, подполковник, отслуживший четверть века в КГБ, из тех, что родились с третьим глазом на затылке. Главным его занятием была бдительность.

– Почему они раньше с тобой не связались? – спросил Каргин. – Вечером или ночью?

– Почему, почему... Спать легли! Что им о двух взрослых мужиках беспокоиться и в номера к ним ломиться под вечер? Может, те в кабаке засиделись и поздно пришли, а может, бабцов каких прихватили... Флинт поднялся в семь, пошел с Сергеевым и Максом завтракать, Гальперина встретил, а Прошки и Барышникова нет как нет. Послали за ними Максимку, а двери-то заперты... Ну, открыли с коридорным, а там – никого, и постели не смяты. Связались с полицией, с феррашами ихними, денег пообещали, и те, обследовав кабак, тут же доложили: русские вечером ушли, в восемь с копейками, и ушли не пьяные, на своих двоих. Теперь ищут!

Шрам на щеке Каргина дернулся. Нахмурившись, он поскреб в затылке, подумал с минуту и произнес:

– Не нравится мне эта история, Влад, совсем не нравится... Если кутить намылились, то почему без Генри Флинта? Не по-товарищески выходит... Скорее, не пили и не кутили, а ужин был деловой, и Флинта оставили для подстраховки.

– Но он ни сном, ни духом... ни Генка черномазый, ни Сергеев... – начал Влад.

– Лишнего не сказали? – оборвал Каргин. – Так ты не с Флинтом беседовал, а с переводчиком, коему знать о делах не положено, как и Сергееву. – К тому они могли Флинту не сказать, куда идут и зачем, или отговориться пустяками. Это во-первых, а во-вторых, Костя Прохоров, если мне не изменяет память, в «Стреле» не пил. Может, в «варягах» стал прикладываться?

– Не стал, – произнес Перфильев, – голову даю, не стал! У меня вообще пьющих нет, да и армутские ферраши подтверждают: уходили трезвыми.

– Тогда как же их взяли? С Барышниковым ясно – ученый, инженер, и лет ему немало, но с ним ведь Костя был! «Стрелок»! Он ведь голыми руками шею свернет и ноги выдернет!

– Верно! – каркнул Перфильев. – Верно, мать мою через форсунку! Прошку так просто не возьмешь! Шум получился бы изрядный, вопли, хруст костей и даже выстрелы... Прав ты, Леша, нечистое дело, и Флинт в нем не помощник – ни языка не знает, ни обычаев. Сергеев... ну, этот хороший следак, но что следак без прокурора? В общем, самим лететь надо в этот трахнутый Армут и разбираться! Если что, я за Костю... – Он скрипнул зубами.

– Вместе полетим, – сказал Каргин, почувствовав с внезапным и странным облегчением, что тихая жизнь подходит к концу. – Я буду в Москве с первым утренним рейсом.

Прервав связь, он не захлопнул чемоданчик, а сидел над ним, уставившись в слепое пятно экрана, перебирая мысленно дела, которые нужно исполнить не позднее, чем утром. Во-первых, билеты заказать и позвонить в представительство ХАК, чтобы прислали машину. Во-вторых, болгары: распорядиться, чтобы Гир и Бридж дожали их самостоятельно до точки. Эти дождут! Особенно Бридж, сушеная вобла – из камня сок выдавит! В-третьих, решить проблему с Кэти: апартаменты в Москве не готовы, а оставлять ее в гостинице или в убогой квартирке на Лесной он не хотел – лучше опять к родителям отправить. В-четвертых...

Каргин прикоснулся к клавишам, набрал код, и с экрана брызнуло яркое солнце. В Калифорнии еще стоял день, и, судя по виду, погода была преотличная.

Из небесной синевы выплыло лицо Холли Роббинс, секретарши Мэлори. Она была строгой дамой в летах, но к Каргину питала слабость – не от того, что был он Самым Главным Боссом, а просто по душевной склонности.

Каргин улыбнулся ей и попросил соединить с коммодором.

– Керк, мой мальчик! Рад тебя видеть!

Круглая физиономия Мэлори, а вслед за нею и знакомый кабинет, возникли на экране. Каргин, как всегда в последние месяцы, отметил, что письменный стол, диван и стулья на месте, а вот картина над столом другая, не пейзаж с видом Иннисфри, а портрет хозяина, Патрика Халлорана, украшенный траурной лентой. Этот нарочитый траур подчеркивал деликатность ситуации: старый Халлоран был жив и даже правил своей оружейной империей с острова в Тихом океане, но знали об этом лишь самые доверенные лица. Официально старик уже месяцев десять как числился в покойниках, пав жертвой разгула бандитов на Иннисфри – или, возможно, не простых бандитов, а арабских террористов, китайских десантников либо колумбийской наркомафии. Однако его благополучное существование подтверждало бессмертный лозунг о том, что иные мертвецы живее всех живых.

Каргин прикоснулся к виску двумя пальцами, приветствуя коммодора. Шона Дугласа Мэлори, вице-президента и шефа административного отдела, считали в ХАК вторым лицом, что относилось к числу неоспоримых фактов. С номером первым такой определенности не было; возможно, им являлся мистер Алекс Керк, президент и наследник, а может, вовсе и не он, а та персона, существование которой подтверждалось упомянутым выше лозунгом. Во всяком случае, все серьезные телодвижения Каргин был обязан согласовывать с Мэлори.

– В Туране у нас проблемы, – сказал он, щурясь от ярких солнечных бликов, игравших на коммодорской лысине. – Что-то произошло с моим конфиденнтом и представителем «Росвооружения».

Мэлори погладил голый череп, задумчиво вскинул глаза вверх.

– Туран – это где? Что-то я такой страны не помню...

– Одна из бывших советских республик в Средней Азии. После обретения независимости переименована, – сообщил Каргин.

– Кем?

– Волей народа и туран-баши.

Мэлори скорбно вздохнул.

– Да, что-то такое припоминаю... Стар я, мой дорогой, чтобы заново изучать историю с географией... О Советском Союзе знаю и никогда не забуду, что имелся такой противник, империя зла, как вопил папаша Роналд...¹¹ А теперь вместо империи, врага масштабного и достойного, есть развалины России и куча мелких злобных шавок... все эти Грузии, Белоруссии, Тураны... Ну, и что нам нужно в этой дыре, сынок?

Каргин стиснул челюсти. Мэлори упорно именовал его «сыном», «мальчиком» и тому подобными прозваниями, имевшими целью подчеркнуть то ли молодость президента, то ли его, коммодора, близость к правящей в ХАК фамилии. Мэлори еще не стукнуло шестидесяти, и на пенсию он не собирался, но в мечтах Каргин лелеял тот сладкий миг, когда обнимет вице-президента, скажет речь о его заслугах и трудах и преподнесет прощальные презенты – свою фотографию с дарственной надписью и виллу где-нибудь в южном полушарии, на Таити или острове Пасхи.

– В этой дыре находится секретный российский завод по выпуску экранопланов, – негромко произнес он, справившись приступом ярости. – Объект номер один в договоре, который мы заключили с «Росвооружением». Экраноплан-истребитель, спроектированный челябинским КБ Косильникова, способен двигаться над сушей и водой со скоростью до

¹¹ Имеется в виду Роналд Уилсон Рейган, сороковой президент Соединенных Штатов (1981-89 гг).

двухсот сорока миль в час и поражать танки, орудия, корабли, живую силу и даже вертолеты. Оружие будущего, коммодор! Или вы не в курсе?

Лицо Мэлори приняло озабоченное выражение.

– Если речь идет об изделии «Шмель», то в курсе, сы... – Он поглядел в ледяные глаза Каргина, сглотнул и поправился: – Сэр. – Затем спросил: – Что там случилось?

– Пропали наши люди, которым вменялось в обязанность урегулировать проблему. Я вылетаю в Москву, затем – в Ата-Армут, туранскую столицу. Я лично возглавляю нашу миссию и операцию по розыскам пропавших.

Коммодор пожевал губами. Теперь он выглядел не просто озабоченным, а нервным и даже мрачным, как небеса над Сан-Франциско в день великого землетрясения.

– Дикие варварские места, – процедил он. – У ХАК нет опоры в тех краях, нет связей, информаторов, подкупленных людей в правительстве... Что-то есть у ЦРУ, но сеть бедная и редкая, местные агенты ненадежны и продажны, и полагаться стоит лишь на сотрудников посольства и охрану из двадцати морских пехотинцев. В общем, в случае неприятностей мы тебя оттуда не вытащим. Сердце Азии, континентальная страна, даже авианосец не пошлешь, и рядом – Афганистан... – Мелори насутился и вдруг рявкнул: – Такие гадючьи гнезда, сэр, президенты не посещают!

– Это те президенты, у которых толчковая левая, а у меня толчковая – правая, – с ухмылкой сказал Каргин на русском и добавил: – Благодарю за ценные советы, коммодор, но все же мне придется посетить Ата-Армут. Один из пропавших – мой боевой товарищ. Вы ведь тоже офицер и знаете закон чести: своих бросать нельзя.

– Капитану нельзя, майору нельзя и даже полковнику, но ты, мой мальчик – маршал! – возразил Мэлори. – И я несу за тебя полную ответственность перед богом и, что еще важнее, перед... сам знаешь кем! Что у тебя там в Москве нет капитанов и лейтенантов? Их отправь! А не найдешь кого отправить, я пришлю. Хоть целый батальон!

– Пришлете, если получите мой приказ, – молвил Каргин и отключился. Хотя новости у Перфильева были плохие, его настроение вдруг поднялось. Он полез в сейф, вытащил картины и стал выкладывать разные мелочи, напевая: «Но задыхаясь, словно от гнева, объяснил толково я: главное, что у всех толчковая – левая, а у меня толчковая – правая!» Отец обожал песни Высоцкого. Каргин тоже.

За дверью раздался шорох, и в гостиной появилась Кэти, в самом соблазнительном облачении, розовом и полупрозрачном. Секунд десять или пятнадцать она наблюдала за хлопотами Каргина, потом кокетливо выставила ножку и поинтересовалась:

– Бежишь от жены, солдат? А ведь клялся любить до гроба!

– Не бегу, а убываю в командировку, – доложил Каргин. – Собирай вазы, картины и шляпки, боевая подруга! Утром возвращаемся в Москву, а сейчас, если успеем...

Что успеем, он мог не продолжать. Кэти хихикнула и скрылась в спальне.

* * *

Интермедия. Ксения

Плохой день, тяжелый: сняли двое черных, афганцы-наркокурьеры или наемники-арабы из Чечни. По-русски плохо говорят, дикие, страшные... Увезли куда-то на окраину, в заводской район, и мучили до самого рассвета. Правда, рассчитались зеленою, дали поесть и вызвали такси. Водитель, пожилой татарин в вышитом тюбетее, так на нее посмотрел, словно ему предложили забрать вонючую парашу из тюремной камеры. Ксения не рискнула устроиться на переднем сиденье, полезла назад, сжалась, забила в угол и, прикрыв ладонями лицо, там и просидела всю дорогу, пока древняя «Волга», чихая и кашляя, тащи-

лась к ней на Бухарскую улицу. Шоферу дала огромные деньги, десять долларов, но он брезгливо отшвырнул их обратно и буркнул: «Ун алтэ таньга, кыз!» Не нужно, значит, ее грязных долларов, давай, девушка, шестнадцать таньга, по счетчику...

Поднялась к себе, сбросила платье, встала под душ, потом к зеркалу сунулась, синяки пересчитывать, и тут заметила, что на плече, над левой грудью, след зубов. Хорошо, что на коже – такие, дикие, могли клочок мяса вырвать или вообще загрызть... Ксения представила, как крепкие острые зубы впиваются ей в горло, и содрогнулась.

Набросила на плечи махровую простыню, села на диван, вспомнила, как глядел на нее шофер-татарин, заплакала. Потом уснула. Потом пришел Керим. Не бил, не ругался, остался довольным, но деньги забрал. Перед уходом оставил на столе десять долларов – те самые, которыми шофер побрезговал.

Плохой день. Клиенты дикие, и синяки по всему телу – открытого не наденешь, а в закрытом наташке трудиться не положено...

Только прилетели, сразу сели,
Фишки все заранее стоят.

Владимир Высоцкий

Глава 4

Ата-Армут, 9 мая, день

Самолет приземлился в армутском аэропорту в одиннадцать сорок. Между Тураном и Россией действовал безвизовый режим, и прибывающих гостей досматривали не слишком тщательно – особенно тех, в чьих паспортах лежала сотня баксов. Не прошло и получаса, как Каргин с Перфильевым вышли из здания аэровокзала на небольшую площадь, дышавшую совсем не весенним среднеазиатским зноем. За площадью с пятиэтажной гостиницей и какими-то другими блочными строениями эпохи развитого социализма лежала степь, еще зеленая, не выгоревшая, а за нею, у самого горизонта, поднимались горы. К ним, прорезая зелень темно-серой лентой, уходило шоссе, и по обе его стороны, у самой площади, сгрудились машины: слева – такси, справа – индивидуальный транспорт, все больше «волги», «москвичи» и «жигули». Между двумя стоянками, прямо посередине дороги, росла древняя чинара, и в ее тени скучали полицейские-ферраши в синих форменных бешметах и при оружии: саблях, дубинках, пистолетах и автоматах.

Немногочисленные приезжие, по виду – торговцы фруктами или наркотой, устремились к транспортным средствам, кто на такси, кто, вместе с шумными компаниями встречавших родичей и подельников, в частный сектор. У стоянки справа наметилось шевеление, раздался басовитый гудок, и, под бдительным оком феррашей, к Каргину подкатил автомобиль, каких нынче даже в музеях не сыщешь. Был он черен и громаден, с закругленными на старинный манер верхом и капотом, с массивным бампером, большими круглыми фарами и такими дверцами, что в них без труда пролез бы трехстворчатый шкаф. Каргин с изумлением уставился на это чудо, а Влад, хрипло выдохнув: «Ну, мать!..» – протер глаза огромными кулаками.

Из машины появился Василий Балабин, сорокапятилетний бывший прапорщик, бывший «стрелок», бывший инструктор по рукопашному бою, а ныне – «варяг» и старший над группой секьюрити, сопровождавших делегацию. Был он в пятнистом комбинезоне, расстегнутом до пупа, как и молодой водитель, один из трех его подчиненных.

– С прибытием, товарищи капитаны. – Балабин вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь. – Экипаж подан, номер заказан, водка в холодильнике, колбаса нарезана и музыка играет.

Перфильев шевельнул бровью.

– Праздник?

– Праздник. День Победы все-таки... Даже здесь его отмечают. – Балабин распахнул дверцу и подхватил их багаж, две тощие легкие сумки. – Прошу!

– Откуда такую колымагу взяли? – спросил Каргин, ныряя внутрь, на потертые подушки малинового бархата. – И зачем? «Мерседеса» не нашлось или «БМВ»? А это... это... Я даже не знаю, как эта штука называется!

– Это, Алексей Николаевич, называется «ЗИМ», – пояснил Балабин. – Велено было форс держать и в «жигулях» не ездить. Вот нашли такую редкость и откупили за пять штук баксов, потом мотор перебрали и ходовую часть, покрасили, стекла вставили особые, только обивку в салоне не сменили. Нет нынче такого бархата, ни в России нет, ни в Туране! Сергеев, однако, обещал найти... А что до приличных иномарок, тем более новья, то их, по указу президента, по специальному списку продают, чтобы купчишки местные не нагнали и нос перед народом не задирали. Вот ежели эмиром стал или ордена Жемчужной Мудрости удостоился – пожайлуста, покупай. Ну, еще дипломатам позволено, послам, сераскерам и кое-кому из финансистов... А купчишкам – нет!

– Мы не купцы, – сказал Каргин, с удивлением обнаружив, что может вытянуть ноги. – Мы иностранная делегация и граждане двух великих держав.

– Поезжай, Рудик, – распорядился Балабин, устраиваясь на переднем сиденье. Потом развернулся лицом к начальству и мрачно сообщил: – Чьи мы граждане, им тут до фени. Статус у нас такой: мы тут частные предприниматели, крысы-бизнесмены и вообще подозрительный элемент, так как с претензиями заявились. Нас даже за деньги в упор не видят! Два дня, как Константин Ильич с Барышниковым пропали, Флинт уже тысяч восемь феррашам по карманам рассовал, а толку – ноль!

Они замолчали. «ЗИМ», бывший правительственный автомобиль, мощно таранил пространство, с грозным ревом рассекая не по-весеннему жаркий воздух. Основательная тачка, подумал Каргин, приглядываясь к потолку и дверцам. Потолок – рукой не дотянешься, дверцы – из базуки не пробьешь! Танк, а не машина!

Слева и справа простиралась степь, покрытая свежими сочными травами, а в ней, параллельно шоссе, тянулась с одной стороны линия электропередачи, а с другой – нитка нефтепровода. Поблескивали провода и гирлянды изоляторов на высоких решетчатых мачтах, круглились бока труб на бетонных опорах, и через каждые три-четыре километра вдруг выныривал из травы передвижной пост, причем не полицейский, а воинский – упакованные в камуфляж солдаты в джипе, с автоматами и пулеметами. Нельзя сказать, чтобы такое зрелище было непривычным для Каргина, скорее неожиданным в этих степных просторах. Бывал он когда-то в Туране, в то еще время бывал, когда назывались эти края по-другому и были сугубо мирными – ни басмачей тебе в горах и степях, ни контрабанды, ни опия с героином, а только сплошные фрукты, бараны да хлопок. Правда, жила их семья не здесь, не в столичном городе, а порядком восточнее и южнее, в Кушке, где на афганской границе служил отец. Но с той поры миновала целая эпоха, лет, должно быть, двадцать пять, и положение в Туране изменилось. Теперь он был страной независимой и вывозил вместо баранов и хлопка наркотики, а этот деликатный бизнес, как и независимость, приходилось охранять.

Местность стала повышаться, аэропортовское шоссе влилось в другую магистраль, гораздо более оживленную, на склонах холмов замелькали уже зазеленевшие виноградники, потом появились грушевые сады, знаменитые некогда на весь покойный СССР и давшие ныне новое имя городу: Ата-Армут – Отец Груш. Тут и там среди садов и виноградников торчали глинобитные постройки, и, приглядевшись, можно было различить фигурки людей, голых по пояс или в потертых халатах – кто у деревьев с кетменем копается, кто воду тащит из арыка, кто, погоняя пару ишаков, спешит к дороге с ранней овощью. Если забыть о шоссе, нефтепроводе и электричестве, Туран за минувшие тысячи лет не слишком изменился, что, возможно, было к лучшему. Древняя сила этой страны определялась людьми, на редкость трудолюбивыми и честными, и пока их нрав был прежним, Туран оставался Тураном, особой землей, отличной от Европы, России, Китая и Америки.

Как случается в окрестностях крупного города, дорога была изрядно забита: легковушки, грузовики, ветхие автобусы, фургоны, трейлеры, а по обочинам – ишаки и даже верблюды, взиравший на окружающую суматоху с презрительной надменностью. Палило солнце, пыль клубилась столбом, запахи бензина, навоза и свежей травы плыли в воздухе, машины сигналили, погонщики, ишаки и водители вопили, но стоило им слышать басистый клаксон «ЗИМа», покорно освобождали скоростную полосу. От черного огромного автомобиля шарахались даже трейлеры – видимо, народ здесь был приучен к дисциплине и понимал, что спорить с иноземным ханом не положено.

Они въехали в город, раскинувшийся в предгорьях, тонувший в зелени платанов, акаций и чинар, гревшийся под щедрым золотым светилом. Промелькнули тихие, низкие, окруженные садами домики предместья, затем потянулись новостройки советской эпохи, серые и безликие, словно барханы в пустыне, умчался назад бетонный мост над прямым, как

стрела, каналом, плеснул фейерверком красок базар, за ним взметнулись стройные минареты мечети. На центральных улицах и проспектах царило ликование, народ шел густыми толпами, гремели военные марши, кое-где полоскались флаги, туранские и красные, с серпом и молотом, но портретов президента Саида Саидовича Курбанова было все-таки больше – обычных, по грудь и по пояс, а также, вероятно, приуроченных к празднику: юный туран-баша с винтовкой, туран-баша под стенами рейхстага, туран-баша ведет в атаку автоматчиков, туран-баша выносит из боя раненого офицера с лицом маршала Жукова. Судя по этим изображениям, свисавшим со стен зданий и тросов, натянутых поперек улиц, туран-баша выиграл Великую Отечественную едва ли не в одиночку – ну, возможно, с посильной поддержкой Иосифа Виссарионовича.

– Он что же, воевал? – поинтересовался Каргин, увидев очередной плакат, на котором сапоги туран-баши топтали извивавшихся фашистских гадов.

– В сорок первом ему было пятнадцать, – сообщил Перфильев. – А в сорок четвертом, когда призывного возраста достиг... – Влад хрипло откашлялся и стукнул ладонью по колену. – Никто не знает, Леха, что тогда случилось. Даже Сергеев не докопался! Говорит, что все материалы изъяты прежней его конторой и уничтожены еще в конце шестидесятых, когда Курбанов пошел в Москву на повышение.

За большой соборной мечетью в голубых и зеленых изразцах открылась широкая, полная народа площадь с фонтанами, кустами роз, белоснежными, украшенными флагами дворцами в стиле «Тысячи и одной ночи», и галереями, чьи колонны и арки оплетала виноградная лоза.

– Бывшая Коммунистическая, теперь майдан Независимости, – пояснил Балабин. – А вот и улица Ленина, нынче Рустам-авеню... Дальше будет еще одна площадь, Советская, она же майдан Евразии, но мы до него не доедем. Наша нора на углу Рустама и Бухарской, отель «Тулпар» называется. Сколько звездочек не справлялся, но кормят в ресторации отменно и, по московским понятиям, недорого.

– Какой апартамент нам заказан? – с усмешкой спросил Перфильев. – Надеюсь, президентский?

– Виноват, товарищ капитан, в президентском отказали – мол, не по чину. В люксе будете жить. Хороший люкс, пятьсот зеленых в сутки.

– А где тут наш завод? Пока одни портреты вижу, а еще – фонтаны, базары и мечети, – сказал Каргин. – На окраине тоже ничего не разглядел, ни труб, ни бетонных заборов.

– То степная окраина, северная, а заводские районы на юге, ближе к предгорьям, – заметил Балабин. – «Мартыныч» так вовсе на горе, ибо предприятие секретное, не подлежащее обзору сверху.

– «Мартыныч»?

– Ну да! В народе так кличут. Бывший имени «XXII партсъезда», а теперь – имени «Второго марта». Второе марта – день рождения туран-баши и День Независимости.

Машина затормозила у шестнадцатизэтажного здания, сверкавшего окнами в никелированных рамах и яркой вывеской: «Интернациональный отель Тулпар». Каргин вышел. Два швейцара в шароварах и чекменях услужливо распахнули дверь, а за ней, в огромном холле с мавританскими колоннами и арками, выстроился весь штат делегации: двухметровый и черный, как сапог, Генри Флинт, юрист «Росвооружения» Всеволод Рогов, переводчик с семи языков Максим Кань, инженер Юрий Гальперин, помощник пропавшего Барышникова, и два молодых охранника, Дима и Слава. За могучей спиной Флинта затаился незаметный человек лет пятидесяти, сутулый и щуплый, с серыми блеклыми глазками – подполковник КГБ в отставке Сергеев.

Когда с церемонией рукопожатий было закончено, Флинт с виноватым видом произнес:

– Прошу прощения, шеф... Не смог встретить вас в аэропорту, был с Максом в отделении местной полиции. Беседовали.

– И как?

Флинт посерел лицом и закатил глаза.

– Наш бумажник стал легче еще на пару тысяч долларов. Вот и все, чего я добился.

– Балуешь ты их, Гена, – с хмурым видом сказал Перфильев. – Или в морской пехоте не служил? За глотку брать не умеешь?

Максим перетолмачил, Флинт обиженно потупился, и они всей командой зашагали к лифту. Для нужд делегации был снят двенадцатый этаж, и здесь, в широком коридоре с пальмами и фикусами в кадках, Каргина встречали пять стройных черноглазых горничных, важный портье, пара рассыльных и официант с бутылками шампанского. Пусть не светил ему президентский люкс, но все остальное было честь по чести: спины гнулись, глазки у девушек блестели, шампанское пенилось, и даже листья пальм шелестели почтительно и нежно, в ритме танца баядерок. Не исчезни Прохоров с Барышниковым, Каргин повел бы тут же соратников вниз, на первый этаж, где в ресторане «Тулпар» они отметили бы День Победы, выпили кто за отца, кто за деда, за выживших и за погибших, за славные их дела и подвиги и даже за морскую пехоту США. Но два их товарища пропали, и праздник был испорчен.

– Вечером, – сказал Каргин, когда Балабин напомнил о колбасе и водке, скучавших в холодильнике. Потом распорядился: – Флинт, Сергеев и Перфильев – со мной. Охране занять позиции у лифта и на лестнице, остальные сидят в номерах и ждут. Будет нужда, вызову.

Они направились по коридору в люкс Флинта, где из второй спальни была вынесена кровать и прочая лишняя мебель, а вместо нее расставлено конторское оборудование – компьютеры, факсы, сейф фирмы «Бэрримор и сыновья», большой телевизор с видеоплеером, столы, рабочие вращающиеся кресла и машинка для уничтожения бумаг. Все это приобрели здесь, в Армуте, за исключением миниатюрных шифраторов и хитроумного устройства «Набла», новейшей разработки ХАК. Шифраторы, подключенные ко всем местным телефонам, делали невозможной их прослушку, а «Набла», высокочастотный демпфер-подавитель, нейтрализовала «жучки».

Каргин кивнул на кресла и, подождав, когда все усядутся, повернулся к Флинту.

– Вы проработали здесь одиннадцать дней. Что сделано?

– Велись переговоры в министерстве военной промышленности и обороны, – доложил Флинт. – Однако, сэр, не по существу вопроса, а лишь о том, чтобы добиться аудиенции у министра или его заместителей. Мы предъявили свои полномочия, и нас заверили, что их изучат и доведут до сведения руководителей. – Оттопырив нижнюю губу, сизую и огромную, как сковородка, Флинт добавил: – Думаю, не ошибусь, сказав, что с нами контактировали мелкие клерки. Но денег хотели больших!

– Финансовый отчет, – произнес Каргин, посмотрев на Сергеева. Тот пренебрег креслом, стоял около бронированного сейфа, доходившего ему до макушки.

– Оборудование офиса, машина, гостиница, питание и расходы на представительство – примерно восемьдесят тысяч. Один «Бэрримор» в десятку обошелся, – прошелестел негромкий голос отставного подполковника. – Взятки и подарки – около пятидесяти, считая с тем, что заплачено полиции. Здесь, – Сергеев покосился на сейф, – триста шестьдесят две тысячи в долларах США и восемнадцать тысяч таньга на мелкие расходы. Остальные два с половиной миллиона находятся в арендованном нами хранилище Первого президентского банка.

Каргин перевел отчет Сергеева Флинту и дождался его подтверждающего кивка. Потом спросил:

– Результаты переговоров в министерстве?

– Три дня назад, перед исчезновением Браш Боя и ученого джентльмена, нас известили, что состоится встреча на высшем уровне. В самом скором времени и, возможно, с самим ага

министром. Или эфенди?¹² Я бы его... – Флинт пошевелил пальцами, будто передергивая затвор.

– Кого он Браш Боем называет? – спросил Перфильев, напряженно внимавший речам Флинта.

– Прошку,¹³ – пояснил Каргин и кивнул Сергееву: – Что мы знаем о министре? Бывший кагэбешник скупно усмехнулся.

– Хотите расставить фигурантов по местам? Ну, что ж... Таймазов Чингиз Мамедович, сорок три года, служил в Москве, в генштабе, на мелких должностях, боевого опыта не имеет, однако известен как ловкий политик. Любит женщин, считает себя знатоком и ценителем холодного оружия – в подарок ему приготовлен подлинный турецкий ятаган семнадцатого века. Брат супруги туран-баши, пользуется его доверием и поддержкой. Возможный преемник Курбанова, если в Туране примут закон о наследственном президентстве.

– У Курбанова нет детей?

– Нет, во всяком случае – официально. Первая супруга была дочерью одного из сотрудников Кирова, чудом уцелевшего в период репрессий. Вытащила Курбанова в Москву, устроила карьеру, долго болела, умерла в конце семидесятых. Нестан Мамедовна, вторая супруга Курбанова, младше его... – Сергеев поднял глаза к потолку, – младше... ммм... на двадцать восемь лет и пять месяцев. Бездетна, бережет фигуру, не ест сладостей, очень любит драгоценности, предпочитает изумруды. Колье, кольцо и серьги – там, – отставной подполковник кивнул на сейф.

Каргин восхищенно покрутил головой, а Перфильев, подмигнув ему, оттопырил большой палец.

– Вот так-то, Леха, знай наших! Что неизвестно Сергееву, о том не ведает Господь... Желаешь о президенте послушать?

– Нет... пожалуй, нет... А вот о других кандидатах в туран-баши узнать бы хотелось. Кажется, еще племянники есть?

– Есть, двое, – сообщил Сергеев, не дрогнув бровью. – Курбанов Нури Дамирович, тридцать восемь лет, глава Первого президентского банка, по нраву – плейбой, делами не занимается, в политике не котируется, прожигает жизнь в Ницце и на курортах Италии. Более реальным наследником может считаться Курбанов Саид, тезка дяди-президента. Тридцать пять лет, министр финансов и глава Второго президентского банка; хитер, энергичен и умело оттесняет старшего братца. Их отец...

– Еще и отец есть! – воскликнул Каргин.

– Есть, и даже находится в добром здравии. Курбанов Дамир Саидович, младший брат туран-баши и бейлербей Дивана. Иными словами, премьер-министр и один из возможных наследников. Коллекционирует старинную французскую мебель, картины и другие произведения искусства.

– Им тоже приготовлены подарки?

– Разумеется. – Сергеев любовно огладил сейф. – У туран-баши и его супруги масса родичей, и всех мы выявить не смогли. Впрочем, ключевые фигуры известны, а с остальными придется импровизировать.

Для человека власти, особенно владыки и политика, опасно иметь двух или трех наследников, подумал Каргин. Большая сумятица будет в этом королевстве, когда туран-баша отправится в сады аллаха... Пожалуй, решил он, у старого Халлорана были свои резоны, чтоб разобраться с наследниками пока живой и не тянуть с подобными делами. Жаль

¹² Ага, эфенди – господин.

¹³ Игра слов: «brush by» («браш бай», по созвучию – Прошка) означает на английском «прошмыгнуть мимо». Флинт называет Прохорова «brush boy» (Браш Бой), заменяя предлог «by» словом «boy» – «парень».

только, что пострадали безвинные, все население Иннисфри, две сотни человек... Но здесь, если случится заварушка, кровью умоются тысячи! Собственно, кровь уже течет: узбекская оппозиция, казахская оппозиция, банды в горах, мятежные районы наподобие Чечни, граница с Афганом и наркоторговцы...

– Ну, перейдем к нашей пропаже, – произнес Каргин. – Итак, Барышников и Прохоров отправились ужинать в...

– ..."Достык", – подсказал Сергеев. – Это дальше по Рустам-авеню, около площади Евразии. Очень дорогое заведение с национальной кухней. Плов, манты, долма и бар с девочками.

– Благодарю. Отправились в начале шестого и, как выяснила полиция со слов работников ресторана, в восемь вечера ушли. Машину не брали, потому как близко... Трезвые ушли, не качаясь... Что нам известно еще? Какие факты?

Он повторил сказанное на английском, но Флинт лишь развел руками. Неприметное лицо Сергеева оживилось.

– Фактов нет, но есть соображения, – медленно промолвил он. – Во-первых, люди из «Достыка» чего-то не договаривают. Был я там, беседовал с официантами и метрдотелем... Темнят! Дело, однако, поправимое – пошлестим бумажками, узнаем. Во-вторых, хоть наши коллеги в восемь ушли, это не значит, что они отправились в «Тулпар». Время детское, могли склониться к соблазнам плоти... Тем более, что по дороге к отелю восемь баров, и в каждом – целая выставка гейш и куртизанок.

– Все кабаки проверены? – буркнул Перфильев.

– Да. Все восемь обошел, но, к сожалению, наших там не видели. – Сергеев опустил веки над серыми выцветшими глазками и покачал головой. – Теперь третье: несмотря на щедрую мзду и обещанные награды, местная полиция бездействует. Похоже, ей известны похитители – или, не приведи Господь, убийцы – однако должного усердия отметить не могу. Хотя плачено и переплачено.

– Можно ли подключить к розыскам другие структуры? – после недолгого раздумья спросил Каргин. – Не туранцев, а, предположим, профессионалов из всяких зарубежных ведомств?

Сергеев с грустным видом пожал плечами.

– Должен вас разочаровать, Алексей Николаевич. Внешняя разведка ФСБ в этом регионе еще не действует, сеть пока не налажена – ввиду малого времени и отсутствия финансов. То же у американцев – три агента ЦРУ при их посольстве, бездельники и дилетанты. Есть, конечно, британцы, но это такой уровень конспирации, что днем с огнем не сыщешь. Я, во всяком случае, не берусь.

Примерно о том же говорил коммодор, мелькнула мысль у Каргина. По международным меркам Туран считался заштатной дырой, где ни одна из приличных разведок – за исключением, быть может, англичан – своих агентов не держала. Со временем все, конечно, переменится, ибо сокровищ в этой дыре не счесть, но в данный момент специалисты нужного профиля здесь отсутствовали. Само собой, если не считать Сергеева.

Каргин прошелся по комнате, от стола к широкой застекленной двери, ведущей в лоджию, пересчитал компьютеры (их было три), окинул взглядом сейф и поинтересовался:

– Кто-то из наших мог быть причастен к исчезновению Прохорова и Барышникова? Юрист, переводчик или этот инженер из челябинского КБ? Что они вообще за люди?

Сергеев подумал, напрягся и, повернувшись к начальству лицом, в очередной раз забубнил:

– Максим Олегович Кань, двадцать восемь лет, мать – татарка, благодаря чему с детства знает татарский и туранский. Закончил Восточный факультет Ленгосуниверситета, владеет персидским, арабским, немецким, английским и французским. Холост, наивен, и во всех про-

блемах, кроме лингвистики, полный лох. Юрий Данилович Гальперин, тридцать лет, женат, закончил МВТУ имени Баумана, специалист по двигателям и, вне этой сферы, такой же лох, как наш переводчик. Ведущий конструктор, а последний год – референт Барышникова и предан ему до гроба. Всеволод Петрович Рогов, юридический поверенный, сорок пять лет...

– Достаточно, – прервал отставного подполковника Каргин. – Я так понимаю, что среди наших ренегатов нет, хотя имеются лохи.

– Молодежь нынче пошла инфантильная, – с меланхолическим видом заметил Сергеев. – Продукт эпохи развитого социализма.

– Вымрут скоро инфантильные, – сказал Перфильев и уставился на Каргина. – Что будем делать, Алексей?

Теперь все трое глядели на него, и Каргин ощутил то же самое, что чувствует вступивший в битву генерал, от которого ждут приказов: куда перебросить конницу и выдвинуть пехоту, где выстроить редут и где поставить батареи. Может, вообще пора трубить в атаку? Пожалуй, пора, решил он и молвил:

– Значит, диспозиция такая. Сергеев отправляется в «Достык», и с ним – Балабин и кто-нибудь из охранников. Денег за правду не жалеть, а если деньги не помогут, пусть Балабин поднажмет... аккуратно нажмет, но энергично. Оружие у нас имеется?

Сергеев моргнул.

– Откуда оружие? Мы коммерсанты, мирные люди... У секьюрити – только дубинки и один кастет на четверых.

– Займешься оружием, тоже аккуратно, но энергично, – сказал Каргин Перфильеву. – Нельзя нам в такой ситуации без оружия. Достанешь? – Влад кивнул. – Вот и хорошо. Машину возьми, деньги и пару своих ребятишек для подкрепления. Тут наверняка подпольный рынок есть, но лучше туда не соваться. Надежного человека поищи или отбери у местных мафиози, только без шума и пыли. – Он повернулся к Сергееву. – Из наших хором другие выходы есть? Кроме парадной лестницы и лифта? Оружие, даже в сумках, через главный вход тащить не стоит.

– В конце коридора – тамбур и черный ход во двор, а оттуда – на Бухарскую улицу. Во дворе стоянка для машин гостей. Не охраняемая.

– Отлично. Теперь с главным нашим делом. – Каргин перешел на английский. – Флинт с переводчиком арендуют конференц-зал отеля, а заодно ресторан, потом садятся на телефоны и обзванивают все посольства, газеты и прочие СМИ, особенно корпункты зарубежных журналистов. Завтра, в семнадцать ноль-ноль мистер Алекс Керк, президент «Халло-ран Арминг Корпорейшн», дает пресс-конференцию, а после нее – банкет. Море халявной выпивки, устрицы, цыплята табака, ну и что там еще положено...

– Тема? – деловито поинтересовался Флинт.

– Мы собираемся строить здесь фабрику, если будет на то благословение властей. Фабрику по производству грушевого компота для армий США и европейских союзников. Если убедимся в качестве местных фруктов, построим что-нибудь еще. К примеру, завод горючесмазочных материалов и нефтепровод через Каспий и Иран до Турции.

– Или до Индии, – добавил Генри Флинт, проявив присущую морским пехотинцам смекалку. – Будет исполнено, босс! А что касается банкета... С устрицами здесь напряженно, но есть осетрина и черная икра. Щелкоперы из «Вашингтон Пост» и «Нью-Йорк Геральд» очень падки на икру... думаю, из-за икры и нефти они и забрались в такую даль.

– Само собой не из-за груш, – сказал Перфильев, уловивший смысл последней фразы. – Груши они могут дома околачивать.

– Икры не жалеть, – распорядился Каргин и махнул рукой. – Совет окончен, все за дело! А сюда пригласите Гальперина. Хочу с ним технические вопросы обсудить.

Трое его подчиненных вышли. Каргин покружил по комнате, бесцельно касаясь то серого компьютерного монитора, то факса с созвездием кнопок и клавиш, добрался до распахнутой двери и очутился в лоджии. Она была широкой, просторной, тянувшейся вдоль комнат люкса, и выходила на Рустам-авеню, бывшую улицу Ленина. Здания на ней стояли прежние, однако вывесок на русском было маловато, все больше туранские, хоть и кириллицей. Лозунги и портреты, которым полагается висеть на главной улице столицы, тоже переменялись: лозунги славили теперь не партию, а народное единство, родимый край, его неистощимые сокровища, клеймили врагов-раскольников и призывали вступать в армию. Что же касается портретов, разнообразие не поощрялось: со всех смотрел туран-баша, мудро улыбаясь своему народу или простирая к нему раскрытые в объятиях руки.

Однако, несмотря на перемены, Туран в восприятии Каргина не был чужой землей. Это связывалось не с детской памятью, не с теми тремя-четырьмя годами, проведенными в Кушке, но, скорее, со всем его воспитанием, жизненным опытом и взглядом на мир. Страна, которой он служил, была для него не просто территорией от южных гор до северных морей, а совокупностью населявших ее народов, той частью человечества, которую он клялся охранять и защищать, не различая узбека от русского, грузина от эстонца. Все они были его соотечественниками, а земли их и языки были его землей и языками, ибо Каргин еще принадлежал к тому поколению, которое об этом не забыло. За ним, возможно, придут другие, только родившиеся или вовсе еще не рожденные, и для них Туран, Литва или Армения будут границей, такой же, как Швеция или Канада. Или не будут, думал Каргин, глядя на ущелье улицы внизу. Не будут, потому что людям, прожившим вместе не одно столетие, трудно обособиться и разорвать соединявшие их нити. Вон, надписи на туранском, а буквы-то русские...

За его спиной кто-то вежливо кашлянул, и он вернулся в комнату.

Юрий Гальперин был тощим, длинным, нескладным, и фигурой походил на знак интеграла: стриженная голова откинута назад, а ступни в кроссовках сорок шестого размера торчат вперед. Но, как случается нередко, комическое впечатление исчезло, едва он заговорил. Речь его была четкой, уверенной, а голос – сочным баритоном, не хуже, чем у оперного певца. Может, Гальперин и казался лохом, но лишь тогда, когда молчал.

– Вызывали, Алексей Николаевич?

– Приглашал, Юрий Данилович. – Каргин кивнул на кресло. – Если вы не против, обойдемся без отчеств. Хочу расспросить вас о «косилках» – не столько о технических данных, они мне в общих чертах известны, сколько об истории вопроса. Кто, когда, зачем... И, конечно, что мы имеем в результате – здесь, в Туране, и в Челябинске, в вашем КБ.

Кивнув, Гальперин ткнул пальцем клавишу включения компьютера, вытащил из кармана лазерный диск и вставил в дисковод. На мониторе возникло нечто похожее на корабль – широковатый низкий корпус, мачты с большими пропеллерами, ракетные установки. Корму вдруг прорезала щель, часть обшивки отъехала вниз, превращаясь в пандус, и из недр судна резво выскочила БМП, а за нею – взвод десантников.

– Экраноплан, «каспийский монстр», как его прозвали на Западе, – молвил Гальперин. – Я слышал, что вы, Алексей, человек военный... Приходилось ходить на таких? Или хотя бы видеть вблизи?

Каргин, с большим интересом разглядывая аппарат, паривший над землей, сделал отрицательный жест.

– Видел только на картинках, Юра. Зверь машина!

– Еще бы! Прототип, разработанный нашим КБ, был построен в 1979 году, на опытном заводе в Горьком. Небольшую серию заложили здесь, в Туране, и эти машины вошли в состав Каспийской флотилии. Предназначены для разведки и высадки диверсионных групп. Скорость около двухсот узлов, грузоподъемность двадцать тонн, дальность хода шестьсот

милей, действуют даже в штормовых условиях, при высоте волны до четырех баллов. Берут на борт сто пятьдесят десантников в полном снаряжении.¹⁴

Он продолжал говорить, комментируя мелькавшие на мониторе картинки, рассказывал о том, как после десантных экранопланов у академика Косильникова, возглавлявшего КБ, возникла идея-фикс: создать одноместную машину, амфибию-истребитель, этакий гибрид танка, катера и вертолета. На разработку денег не давали, но Косильников, хоть был уже стар, относился к людям невероятной работоспособности и пробивной силы. Его КБ теряло сотрудников, ученых, инженеров, программистов, бежавших от скудости и нищеты, бунтовали смежники, не желая трудиться почти за бесплатно, на опытном производстве развалилась треть станков, а Барышников, его ученик и вероятный преемник, дважды попал с инфарктом в госпиталь. Тем не менее истребитель «Кос-4», открытое наименование – «Шмель», был спроектирован и собран в конце восьмидесятых.

Страшное оружие! Боевая машина, которая по морю ходит, как по суше, по суше – как по морю, на холм взберется, овраг перескочит, и никакие противотанковые рвы, надолбы и минные поля ее не остановят... Вооружение – ракеты, управляемые снаряды, пушка, пулеметы, при нужде – торпеды... Кроме того, термозащита, противостоящая пламени из огнеметов и горящему фосфору, видеокамера и прибор ночного видения, а также дисплей, на котором высвечивается цифровая карта местности... Однако дело не столько в оружии и средствах защиты, сколько в фантастической скорости и маневренности, делавших «Шмель» почти неуязвимым. Танк или торпедный катер казались в сравнении с ним парой вышедших из спячки медведей, а вертолет, хоть и имевший приличную скорость, был из тех небесных птиц, которых от стингера не защитишь. Подбить стремительный «Шмель», мчавшийся в считанных метрах от земли, способный развернуться за секунду, было по силам лишь снайперу, но снайперы стреляют не из пушек, из винтовок. Малых калибров «Шмель» не боялся и мог за десять-пятнадцать минут уничтожить батальон, расправиться с десятком танков или батареей гаубиц. Кроме того он мог атаковать авианосец или крейсер на скорости четыреста километров в час и пустить его ко дну раньше, чем сыграют боевую тревогу.

Испытания, однако, показали, что пилот, даже экстра-класса, справиться с такой «косилкой» не в состоянии. Земля отлична от небесного простора, на земле – холмы и скалы, деревья и кусты, здания, доты, колючая проволока и остальные препятствия, ну а на море – волны, плавучие мины и камни у берегов. Одновременно стрелять и маневрировать на высокой скорости задача для человека непосильная, реакции не хватает, и «Шмель» ведет себя точно боевой породистый скакун с неопытным наездником. Это, разумеется, совсем не устраивало Косильникова, и в последующие годы он занимался двумя проблемами: во-первых, запустил серию из трех «Шмелей» на армутском заводе, а во-вторых, в его КБ велась разработка ДМУО – автоматической системы обеспечения Движения, Маневров и Управления Огнем. Наличие ДМУО позволяло реализовать все возможности «Шмеля», фактически превращая его в интеллектуальную боевую машину. Восемь месяцев тому назад система ДМУО была, наконец, воплощена в микросхемах и программах, но серийных «Шмелей» Косильников так и не дождался. Вроде бы их изготовили во-время, но время случилось как раз такое, когда страна рассыпалась, и между Тураном и Россией сразу две границы пролегали, российско-казахская и казахско-туранская.

Границы, впрочем, были прозрачными, и тащили через них в обе стороны что угодно, от леса и бензина до наркотиков и фальшивых долларов, но вот с «косилками» как-то не получалось. Большие десантные экранопланы ушли своим ходом в Астрахань из Прикаспийска, бывшей базы каспийской флотилии, а судьба истребителей-"Шмелей" была покрыта мраком. Может, ржавели они на заводе, может, гнили на каком-то полигоне, а может,

¹⁴ Большая часть этой информации является истиной, а не выдумкой автора.

вовсе не гнили и не ржавели, а были где-то припрятаны запасливым туран-баши либо одним из его генералов-сераскеров. Слухов об этом ходило множество – скажем, о том, что на заводе имени «Второго марта» сохранена документация, что «Шмель» здоров и жив и даже переименован в изделие «Манас».¹⁵ Кроме слухов были и кое-какие факты, прежде неизвестные Каргину: так, со слов Гальперина выходило, что в последний год уволились из КБ восемь технологов, инженеров и руководителей групп – не просто уволились, а вообще исчезли из Челябинска с концами. Куда? Об этом тоже стоило подумать.

Гальперин выключил компьютер, вытащил диск и бережно спрятал в карман. Затем поднялся, снова сделавшись похожим на знак интеграла.

– Подождите, Юра, – произнес Каргин. – Хочу вас вот еще о чем спросить: как себя держал Барышников? Вы его много лет знаете, для вас заметнее нюансы – может, что-то необычное разглядели? Может, что-то он вам сказал, о чем-то намекнул?

– Говорить ничего не говорил, а его поведение... Понимаете, Алексей, мы ведь с Николаем Николаевичем в Ата-Армут четвертый раз приехали. Прежде толку было ноль, нервы мотали да выстебывались... Мелкая шушера, конечно: мол, завод – достояние Турана, секретный, оборонный, и чего там делают, нам, мелкоте, неизвестно, к большому эмиру идите, только эмира сейчас нет, и лишь аллаху ведомо, появится ли он в ближайший месяц...

– Большой эмир – это министр? – уточнил Каргин. – Таймазов Чингиз Мамедович?

– Он, подлюга! – Гальперин стиснул костлявый кулак. – Сколько крови из нас выпил! Но в этот раз Ник Ник испытывал определенные надежды. Контракт с крупнейшей корпорацией, американцы – парни деловые, с мясом свое отскребут, а заодно – и наше... ну, не отскребут, так выкупят. В общем, был он оживленным, а потом помрачнел, когда Флинта вашего и Прохорова тоже мотать начали.

– А в день исчезновения? Как он выглядел? Тоже мрачным?

Гальперин задумался.

– Нет... пожалуй, нет... Не веселился, это точно, но с кем-то по телефону говорил и, кажется, был заинтересован. Не так чтоб очень, но все-таки... Потом собрался, и пошли они с Прохоровым ужинать.

– А где он обычно вечером ел?

– В ресторане гостиницы. Мы все там столуемся и после восьми обычно не выходим. Здесь беспокойно бывает, а в темноте, знаете ли...

– Значит, после звонка он пошел ужинать с Прохоровым... – медленно повторил Каргин. – А почему вас с собой не взял? Или Флинта?

– Про Флинта не знаю, а я с шефом туда хожу, куда приглашает. На этот раз не пригласил. Вдруг у них разговор намечался секретный или встреча...

– Встреча... Любопытное соображение! – Каргин почесал в затылке и кивнул собеседнику. – Спасибо, Юра. Идите, но постарайтесь из гостиницы не удаляться и уж во всяком случае не бродить по городу в одиночку. Барышников исчез, и вы теперь мой главный технический эксперт.

Через некоторое время после того, как ушел Гальперин, он направился в свой люкс, располагавшийся рядом с номером Флинта, осмотрел просторную гостиную, обе спальни, лоджию с пальмами и фикусом, санузел с роскошной ванной и телефоны с подключенными к ним коробками шифраторов. Ознакомившись с этим, Каргин одобрительно кивнул, разделся и с полчаса нежился под душем. Потом вызвал официанта, велел принести какой-нибудь еды, фруктов и крепкого кофе, перекусил, съел на закуску армутскую грушу прошлогоднего урожая и убедился, что с компотной фабрикой здесь не прогадаешь – груша была размером в два кулака и на диво сочная. Наконец решил разобрать вещи. Модуль связи в черном

¹⁵ Манас – легендарный богатырь, герой среднеазиатского эпоса.

чемоданчике пристроил в спальне, на письменном столе у окна, принес из гостиной сумку, открыл ее, повесил в шкаф светло-серый костюм, три рубашки и джинсы, разложил белье и сунул под него свой талисман, подаренный отцом берет. Берет, побывавший на Иннисфри, был прострелен и потом заштопан матерью – под клятвы Каргина, что пуля, пробившая ткань, его головы не коснулась.

Оружия в сумке не было. Ни перочинного ножика, ни проволочной удавки, подарка лейтенанта Свенсона, ни трофейных сюрикенов, взятых в Сомали, ни иных приспособ невинного вида, но смертоносного назначения. Статус изменился: был наемником, стал наследником, подумал Каргин, обзревая пустую сумку. Наемник без оружия что монтер без отвертки, а вот наследнику огромной корпорации удавки и ножики ни к чему. Если надо, сам наймет умельцев с ножиками, а так его оружие другое: акции, счета и биржевой бюллетень. Это казалось таким безнадежным и скучным, что он едва не затосковал.

Но встряхнулся и набрал краснодарский номер. Ласточка уже была под маминым крылом, и они, сменяя у трубки друг друга, принялись допрашивать Каргина, как долетел и как устроился, и какая погода в Ата-Армуте, и не забыл ли он парадный галстук к серому костюму – если случится randevu с туран-баши, то без галстука никак нельзя. Каргин слушал их щебетание, и душа его теплела и размягчалась словно в парной или на солнечном калифорнийском пляже. Но все же спохватился, вспомнил, что и с отцом хотел поговорить. Поздравил с праздником, потом сказал:

– Проблема у нас, батя. Двое пропали – Прохоров, дружок мой по «Стреле», и инженер из Челябинска. Не простой инженер – заместитель самого Косильникова.

– Сильно постараться надо, чтобы «стрелок» пропал, – отозвался отец после недолгой паузы.

– Вот и я так думаю. Начали искать, однако местные в этом деле не помощники. Есть у меня хороший сыщик, из Москвы, но если ты кого из здешних знаешь, из прежних своих сослуживцев, я бы с ним связался. Нужен толковый и надежный человек – такой, чтоб верно нас ориентировал. Что почем, где лучше груши покупать, а где – осетрину.

– Сейчас, – сказал отец. – Записную книжку достану.

Послышался шелест страниц и невнятное бормотание: «Этот умер... этот на Брянщину переехал... этот хороший парень, но глуповат... этого вычеркнуть надо, шельмец и вор... и этого – тоже вор, посадили...» Наконец отец откашлялся и молвил:

– Запоминай, Алексей: Азер Федор Ильич, полковник, из афганских ветеранов, вышел в отставку лет пять назад. В горах над Армутом есть курортное местечко, Кизыл называется, и этот Кизыл вроде как райцентр... А на семнадцатом километре от него – поселок Таш, где Азер и проживает. Улица Ходжи Насреддина, дом семнадцать. Давний мой знакомец, и из тех людей, что знают много, но крепко молчат. Привет от меня передай, скажи, что сын, тогда он с тобой побеседует, а там, глядишь, и мысль полезную подбросит. Большого ума мужик! И храбрый – в Панджшере вместе воевали.

– Спасибо. Съезжу к нему и привет передам, – сказал Каргин и распрощался.

Стемнело, и над городом, от мечети к мечети, поплыли протяжные вопли муэдзинов. «Голосистые, петухи», – пробормотал Каргин и уже вознамерился выйти в лоджию, послушать на свежем воздухе вечерний концерт, но тут в номер ввалился Перфильев. Выглядел он мрачным и с порога забурчал:

– Ну, курвы!.. Ну, хорьки беременные!.. Ворюга на ворюге, и ворюгой погоняет! Шкуры продажные!

– Что случилось, Влад?

– Надежный клоп нашелся, торговец оружием. И знаешь, кто?

Каргин приподнял бровь.

– Гуляю, значит, по базару, прошупываю обстановку. Нашел одних... Чего тебе? – говорят. Все есть – девки, травка, спирт, товар паленый, поддельные лекарства... Намекнул насчет стволов. Зачем? – спрашивают. Я объясняю – праздник, салют надо делать, друзей погибших помянуть, и для того стволы должны быть солидными и к каждому патронов по три сотни. Зелеными плачу! Ну, говорят, раз платишь, то поехали. И привезли меня на склад. Армейский склад, Леха, наш! Идем прямо к минбаши-полкану, что складом заведует, двери ногой отворяем... «Калаша» стоят в смазке, пулеметы, батальонная артиллерия, патроны в ящиках, и столько всего, что хватит Персию завоевать. А минбаши кланяется низко и говорит: бери, что хочешь, кунак! Автоматы – по пятьсот, пулеметы – от тысячи до трех, а если нужно что-то посерьезнее, танк или, положим, вертушка, то за пару дней достанем. Потом прищурился хитро и спросил: для эмира Вали стараешься? Или для чеченов?

– И что ты? – спросил Каргин, пряча улыбку.

– Стараюсь, говорю, для Карга-хана. Есть такой беспредельщик, скоро в Армут с гор спустится, повесит ваш Диван, а Курултай вырежет. Ну, минбаши отвечает: аллах в помощь! Так берем у него?

– Подождем. Посоветоваться надо.

– С кем?

– Есть человек, отцов сослуживец. Завтра пораньше к нему отправимся – ты, я и пара ребят.

– Из местных этот сослуживец? Может, что о Прошке знает?

– Может, знает, – молвил Каргин и подтолкнул Перфильева к дверям. – Пошли ужинать.

На ужин собрались все, кроме Сергеева, Балабина и молодого охранника Славы – эти где-то трудились, должно быть, выколачивали правду из персонала «Достыка». После ужина Каргин, в сопровождении Флинта, осмотрел помещение для банкетов и конференц-зал и остался доволен. Чертоги просторные, можно две сотни усадить, и под столами места много, есть куда падать. Он поднялся к себе, послушал, как храпит Перфильев, полюбовался с лоджии на звездное небо, разделся и нырнул в постель. Сон уже начал одолевать Каргина, когда заверещал черный кейс на письменном столе.

Он вскочил, откинул крышку, ткнул клавишу включения. Худое костистое лицо всплыло на экране: рыжие, с проседью брови, пряди волос цвета пересохшей глины, свисающие на лоб, рот, будто прорубленный ударом топора, глубокие складки, что пролегли от крыльев носа к подбородку, колючие, широко расставленные серо-зеленые глаза. Патрик Халлоран... Дед!

За ним виднелось хрустальной прозрачности окно, плывущие по небу облака и солнце, повисшее в зените. Здесь, в Туране, была уже полночь, а над просторами Тихого океана – ясный день, и Каргину подумалось, что они со стариком полные антиподы. Где лежит остров Халлорана он в точности не знал, но если судить по времени суток, эта часть суши могла находиться в трех-трех с половиной тысячах миль к северо-востоку от Новой Зеландии, где-нибудь среди островов Туамоту, Кука или Тубуаи.

Старик мотнул головой, качнулись блекло-рыжие пряди.

– Навестил родителей?

– Да.

– Как мать?

– Рада, что жену привез. Еще интересуется вашим здоровьем. Фотографии собрала, я послал вам через Мэлори.

Глаза Халлорана чуть помутнели, губы дрогнули и тут же сжались, будто он стеснялся слабости. Гляди-ка, подумал Каргин, скала скалой, а родственную трещину дает! Голос старика однако остался ровным.

– Я получил посылку. Матери скажи: здоров, ирландская кость крепкая... Надеюсь, и у нее здоровье в порядке?

– Грех жаловаться, – ответил Каргин. – Около Кэти хлопочет, внуков требует.

– С этим не затягивай. – Халлоран медленно опустил веки. – Человек странствует между младенчеством и старостью, от небытия прошлого к небытию будущему. От будущего ты прикрыт мною, твоими отцом и матерью, а от прошлого ограждают только дети. Нет детей – нет надежной ограды и опоры, и ты уязвим... Я слишком поздно это понял, Алекс. Не повторяй моих ошибок.

Они помолчали. Почти зримо Каргин ощущал, как изображения и звуки взмывают в космос с далекого острова, стремительно плывут в черной мрачной бездне, перебираясь от антенны к антенне, от спутника к спутнику, падают вниз, в теплую ночь Ата-Армута, и тут же отправляются в обратный путь. Чудо? Нет, всего лишь маленькая человеческая хитрость. Чудо – это жизнь, тот отрезок между прошлым и будущим небытием, когда ощущаешь собственное "я".

– Мэлори сказал, что ты в Туране, – произнес старик. – Он обеспокоен.

– А вы?

– Я – нет. – Он скупно усмехнулся. – Я исповедую простую истину: не помогай, не проси помощи, считай деньги. Ты помощи не просишь и, кажется, во всем остальном соответствуешь этому правилу.

– Но я ведь приехал сюда помочь! Пропали люди...

– Т в о и люди. Ты хозяин, и люди – твой самый ценный капитал. Они работают на тебя, и потому никто не должен посягать на них, то есть на твои вложения. Что касается всего остального человечества и, в частности, Турана... – Губы старика скривились. – Если нужно, сравняй его с землей! Я разрешаю.

Экран погас. Каргин погладил шрам под глазом, пробормотал:

– Вот так, ни здравствуйте, ни до свидания... Зато продиктована воля владыки: если нужно, сравняй Туран с землей... А рынок как же? Покупатели и потребители? Всех сравняешь, кому пушки продавать? Хотя мысль в чем-то верная, если сравнивать не всех, а избранных персон...

Он нырнул в постель и закрыл глаза. И снилось ему в эту ночь, как он приходит в министерство к сардару Чингизу Мамедовичу с турецким ятаганом и сносит ему голову.

* * *

Интермедия. Ксения

Снова плохой день. Кериму трех наташек заказали, для какой-то пьянки в «Тулпаре», что на углу Рустема и Бухарской. Иру с Зойкой послал и ее, Ксению: танцуешь хорошо, а наши любят с русской девкой поплясать. Пошла, как не пойти... Думала, легкий будет вечер – «Тулпар» при интуристовской гостинице, заведение приличное, и гости там не распоследние хамы.

Хотя как повезет... Ире с Зойкой достались мужики под пятьдесят, а ей – старичок, толстый, лысый, с брюхом до колен. В номер к себе потащил, поил шампанским, приказал раздеться и танцевать под турецкую музыку. Ну, танцевала, гнулась так и этак, бедрами трясла, а старичок не может... Не может, и все! Никак у него не получается, ни стоя, ни сидя, ни в постели... Рассердился, кричать начал по-своему, то ли по-турански, то ли по-узбекски... А чем она виновата? Под восемьдесят змею старому, яд свой пережил...

Выгнал, ничего не заплатив. Керим разозлился, побил. Тростью бил – трость у него бамбуковая, тонкая, хоть костей не переломит...

Но больно. Мамочка, милая, как больно!

А в отчаявшемся том государстве,
Как войдешь, так прямо наискосок,
В бесшабашной жил тоске и гусарстве
Бывший лучший, но опальный стрелок.

Владимир Высоцкий

Глава 5

*Окрестности Ата-Армута, 10 мая,
первая половина дня*

Выехали в девять, вчетвером: Каргин, Перфильев и Дима с Рудиком, два молодых охранника-бойца. Остальные члены делегации, невзирая на ранний час, были уже при деле: Флинт и переводчик Максим, знаток семи языков, висели на телефонах, обзванивали заинтересованных персон, не забывая сообщить меню банкета; юрист Рогов, запершись в номере, пил стаканами зеленый чай и отрабатывал текст выступления на пресс-конференции; Гальперин, взяв такси и пачку долларов, поехал по магазинам разыскивать проектор – такой, чтоб считывал изображение с компьютерного монитора. Что касается Сергеева, Балабина и Славы, то они спали, так как вернулись в «Тулпар» ночью, часа в три, и по этой причине доклада Каргину еще не представили.

Рудик, сидевший за рулем, неплохо изучил окрестности – во всяком случае, дорога к курорту Кизыл и одноименному озеру была ему в теории знакома. «ЗИМ», распугивая автобусы и мелких четырехколесных, важно прокатил по Рустам-авеню, миновал площадь Евразии, бывшую Советскую, где высилось здание ЦК компартии республики, ныне отданное Законодательному Курултаю, повернул на зеленый бульвар Чингисхана, а с него – на Кокчетавскую улицу, плавно уходящую вверх. Здесь начинался индустриальный район, тихий и молчаливый, ибо с индустрией дела в Туране обстояли неважно: из четырех производств работало одно. Причины этого лет пять обсуждались в Диване и Курултае, и споры эти нередко кончались рукопашной между пропрезидентскими партиями и оппозицией, а тем временем Туран покидали искусные руки и умные головы. Русские, украинцы, немцы, прибалты, поляки, те, что жили здесь из поколения в поколение, трудились в институтах, на заводах и привыкли считать эту землю родной, вдруг выяснили, что это не так, что нежелательным инородцам места в Туране нет, что в этой стране почитают аллаха, коему милы не инженеры и токари, а муллы и муэдзины. Впрочем, кому на самом деле благоволил аллах, никто не ведал, но самой крупной партией в Туране, поддерживавшей президента, была исламская. В отличие от аллаха партийные бонзы не молчали и толковали волю божества по собственному разумению.

За Кокчетавской улицей, уходящей в предгорья, потянулись другие, почти безлюдные, пыльные и жаркие, лишенные зелени, обставленные мрачными заводскими корпусами, пересеченные тут и там линиями узкоколеек; корпуса соединялись бетонными заборами, рельсы ныряли под ржавые железные ворота, окна казались провалами в пустоту, и так оно, вероятно, и было – в цехах движения не наблюдалось и никаких промышленных шумов не слышалось. Наконец «ЗИМ» поднялся в горушку и выехал на площадь, украшенную серым трехэтажным зданием с массивными дверями, у которых стояли автоматчики. По обе стороны от здания тянулась изгородь из бетонных блоков, над которой виднелись трубы, плоские кровли цехов и туго натянутые провода. Слева от дверей высился огромный фанерный щит с портретом туран-баши, справа – еще один такой же, с надписью на туранском.

– «Мартыныч», – пояснил Рудик. – Бывший наш завод, Алексей Николаевич.

– Вижу, работа здесь так и кипит, – сказал Каргин, заметив, что над трубами курится дымок.

Дима, сидевший впереди, повернулся к нему.

– Все же оборонное предприятие, командир. Наверняка бабок больше платят, вот народ и старается, вкалывает... Только над чем?

Действительно, над чем? – подумал Каргин. Гальперин говорил ему, что «Мартыныч» предприятие комплексное: во-первых, есть при заводе свое КБ, а во-вторых, каждый цех – профилированное производство, где корпуса собирают, где двигатели, где систему ручного управления, где все изделие целиком. Только оружия здесь не делали, но пушки, пулеметы и ракеты не представляло труда закупить, прямо у «Росвооружения» или через посредников. А может, были старые запасы на заводских складах либо на тех, у минбаши-купца, где побывал Перфильев – ведь после распада Союза российские дивизии выводились из этих мест с такой поспешностью, что половину автопарка растеряли, не говоря уж про арсеналы. Возможно, трудятся на «Мартыныче» наемные специалисты из Челябинска, клепают втихаря «Шмели», только для чего? – вертелось у Каргина в голове. Если тому же Гаперину верить, «Шмель» без автоматики что ножны без клинка...

Завод был огромный – забор с постами охраны на вышках тянулся, как минимум, километра на два. Дальше дорога шла через пыльный пустырь, заваленный битым кирпичем и ржавыми железками, затем подъем становился круче, а местность – попригляднее. Сначала появился кустарник, потом акация и заросли орешника и, наконец, дубовые и самшитовые рощи среди высоких изумрудных трав. Кое-где паслись овечьи отары и небольшие табуны лошадей, виднелись скопления домиков, сложенных из камня и окруженных садами, а поблизости от них радужными водопадами низвергались со скал ручьи. В открытые окна машины врывался свежий ветер, пахнувший дымом и только что скошенной травой, трепал волосы Каргина, заставлял щуриться. Минут через десять быстрой езды Рудик сбросил скорость и начал выписывать кренделя, объезжая трещины и выбоины на асфальте. Дорога стала заметно уже, ринулась серпантином вверх, в гору, огибая гранитные монолиты утесов, перепрыгивая мелкие бурные речки, журчавшие под мостами на бетонных сваях; вскоре деревья сомкнули ветви над шоссе, превратив его в тенистый зеленый тоннель. Здесь царили покой и тишина, которую тревожил лишь мощный рокот мотора «ЗИМа».

– Безлюдно, – заметил Перфильев. – А был мировой курорт, всесоюзная кузница-здравица! Все, похоже, развалилось к ядреной фене.

– С черного хода въезжаем, командир, по старой дороге, что через заводской район проложена, – пояснил Рудик. – Восточнее есть другая магистраль, новая бетонка, по ней автобусы в Кизыл курсируют и туристы ездят. Там более интенсивное движение. – Он подумал и добавил: – Хотя по нынешним временам туристов здесь не очень. Не ездят отдыхать из России – далеко, дорого, опасно... Шалют в горах, даже под самым городом шалют.

– Что же ты по бетонке не поехал?

– Хотелось вас мимо «Мартыныча» прокатить. И еще эта дорога проходит к западу от озера и райцентра, а оттуда к Ташу ближе. Я по карте смотрел.

– Это ты зря, – сказал Перфильев. – В карты полковники и генералы смотрят, а тебе не по чину, вы с Димычем рядовые бойцы и обязаны ориентироваться на местности без всяких карт, по интуиции и запаху. Вот скажите, парни, чем тут пахнет?

– Травой и пылью, – отозвался Рудик.

– Еще, кажется, навозом, – неуверенно добавил Дима.

– Конским, – уточнил Перфильев. – Есть много разновидностей дерьма, от человеческого до слоновьего, и различать их нужно... Оп-па! – воскликнул он, прервав свои рассуждения на самом интересном месте. – Это кто тут у нас развлекается? Тормози!

За поворотом поперек дороги лежало дерево. Срублено недавно – листья еще не успели завянуть, и крона перегораживала половину шоссе. Другая половина была блокирована толстым стволом в морщинистой коре, на котором устроились двое мужчин разбойной внешности – бородатые, в папах и бешметах, с кинжалами и саблями у пояса и лежавшими на коленях «калашами». Третий – видимо, главарь – сидел, подбоченившись, на пегом жеребце, поигрывал плетью и разглядывал «ЗИМ» и его пассажиров с явно нехорошим интересом.

– Двигаем назад? – спросил Рудик, выжимая сцепление.

Но сзади, с обеих сторон дороги, вынырнули еще двое с автоматами, совсем молодой мальчишка и парень постарше, с хищным лицом оголодавшего шакала. Ствол в его руках дернулся, и это движение было понятно без слов: мол, выходите из машины.

Перфильев вылез первым, тихо бросив Каргину:

– Попробую зубы заговорить, а ты, Леша, не зевай.

Опустив плечи, ссутулившись, он направился к всаднику. Каргин, с видом полной покорности, сложил ладони на шее, прислонился боком к дверце, приказав охранникам:

– Делай, как я! Стоять и не двигаться!

– Да мы их... – начал Рудик, но Каргин нахмурился и прорычал:

– Не двигаться, говорю! У этих пять стволов, а у вас что? Только трупов молодых нам не хватает!

Парень, похожий на шакала, упер ему в спину автомат, мальчишка и двое бородатых, небрежно поднявшихся с бревна, держали на прицеле остальных. Перфильев, приблизившись к всаднику, задрал голову и, испуганно моргая, дрожащим голосом поинтересовался:

– В чем дело, джигит? Таможня у вас тут, что ли? Так мы готовы заплатить!

Каргин увидел, как шея у Рудика наливается кровью, а Дмитрий сжимает кулаки. Ребята были из спортсменов, молодые, горячие, еще не битые... Таких майор Толпыго учил сурово, в грязи по канавам валял и тыкал носом в очко, приговаривая: нет приема против лома кроме хитрого ума! Вспомнив об этом, Каргин прошипел:

– Стоять, болваны, сопротивления не оказывать! Ноги на ширину плеч, глаза в землю!

Всадник вынул ногу из стремени, ткнул Перфильева в грудь сапогом.

– Платить хочешь? Заплатишь! Все давай! – С довольным видом оглядев машину, он заметил: – Какой тачка! Большой, черный, богатый... В такой миллионер ездит!

Один из бородатых осклабился, что-то сказал на туранском, и главарь, снова ткнув Перфильева ногой, тоже скривил рот в ухмылке.

– Вот Муса говорит, что с такой богатый нужно доллар брать, десять миллионов. По миллиону за слуг, два – за твой голова, и пять за то, что русский. Дашь столько?

– Откуда у меня такие деньги? – прохрипел Перфильев, придвигаясь поближе к главарю.

– Соберешь, когда у нас погостишь! Пальцы резать будем, неделя – палец, тогда соберешь.

Парень за спиной Каргина буркнул:

– Рубли, доллар – где?

– В кармане, – сказал Каргин, слегка поворачиваясь. – В том, что справа. Достать?

– Сам!

Чужая рука полезла в карман. Ствол уже не упирался в спину, а Перфильев стоял совсем рядом со всадником и канючил:

– Я за базар отвечаю, мужики, плачу, раз попал, но только чтоб сумма была не выше крыши. Борзеть-то не надо! Мне ведь десять лимонов век не собрать! Мамой клянусь! Сто кусков зелеными еще куда ни шло, а на большее мне не подписаться!

Всадник свесился с седла, схватил Перфильева за волосы, прижал лицом к колену.

– Торгуешься, хакпур?¹⁶ С Ибадом здесь не торгуются, клянусь аллахом! Ибад не подбирает мелочь! Ибад – бейбарс...¹⁷

– Ибад твою мать, сучонок! – рывкнул Перфильев, единым махом сдернув всадника с коня. Вероятно, он успел сломать ему шейные позвонки – тело главаря обмякло и, словно

¹⁶ Хакпур – сын праха (тюркск.).

¹⁷ Бейбарс – могучий тигр (тюркск.).

мешок с песком, рухнуло на одного из бородатых. Тот упал, выпустив автомат. В то же мгновение Каргин развернулся и ребром ладони ударил шарившего в кармане в переносицу. Удар не смертельный, но ошеломительный – кости трещат, кровь потоком, из глаз слезы и, конечно, болевой шок... Он перехватил оружие, вырвал, вскинул и прострелил второму бородатому плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.